

ЦЕНА КЛЯТВЫ

Эмма Смит

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ГДА КЛЯТВА СТАНОВИТСЯ САМЫМ ОПАСНЫМ ПЛАНС

18+

Эмма Смитх

Цена Клятвы

«Автор»

2026

Смитх Э.

Цена Клятвы / Э. Смитх — «Автор», 2026

Стефани привыкла полагаться только на себя. Её жизнь была спокойной — до тех пор, пока однажды ей не попались документы, способные разрушить репутацию влиятельного бизнесмена Макара. Для всех он — успешный владелец крупной компании. Но за закрытыми дверями Макар руководит мафиозной организацией, связанной с незаконными поставками, шантажом и отмыванием денег. Стефани собирается рассказать правду, однако Макар узнаёт о находке раньше, чем она успевает обратиться за помощью. В тот же день девушку похищают и привозят в загородный особняк, где ей предстоит столкнуться с человеком, способным лишить её свободы одним приказом. Макар уверен, что Стефани знает больше, чем говорит. Стефани видит в нём лишь опасного преступника, разрушившего её жизнь. Макару придётся сделать выбор: сохранить власть и защитить тайны своей семьи или нарушить клятву, которая долгие годы определяла его судьбу. Потому что иногда цена обещания — не деньги и не власть. Иногда за клятву приходится платить сердцем.

© Смитх Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	48
Глава 6	57
Глава 7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Эмма Смитх

Цена Клятвы

Глава 1

ЦЕНА КЛЯТВЫ

Аннотация

Стефани привыкла полагаться только на себя. Её жизнь была спокойной и предсказуемой, пока однажды ей в руки не попали документы, способные разрушить репутацию влиятельного бизнесмена Макара. Для окружающих Макар - успешный владелец крупной компании, безупречный мужчина и пример идеальной жизни. Но за закрытыми дверями он руководит мафиозной организацией, связанной с незаконными поставками, шантажом и отмыванием денег.

Стефани собирается рассказать правду, однако Макар узнаёт о находке раньше, чем она успевает обратиться за помощью. В тот же день девушку похищают и привозят в загородный особняк, где ей предстоит встретиться с человеком, способным лишить её свободы одним приказом. Макар уверен, что Стефани знает гораздо больше, чем говорит. Стефани видит в нём лишь опасного преступника, Между ними начинается противостояние, в котором нет места доверию, жалости и слабости. Но чем дольше Стефани остаётся в особняке, тем сложнее ей отделить жестокость Макара от его молчаливой защиты. А Макару приходится сделать выбор: сохранить власть и тайны своей семьи или нарушить клятву, которая долгие годы определяла всю его судьбу. *Потому что иногда цена обещания - не деньги и не власть. Иногда за клятву приходится платить сердцем.*

Добро пожаловать в ад, дорогие девушки.

Забудьте о прекрасных принцах — в этой книге он вам не понадобится.

ТРОПЫ

- мафия
- от ненависти до любви
- похищение
- разница в возрасте
- лигандный герой
- насилие

ТРИГГЕРЫ

- эмоциональные качели
- употребление алкоголя/наркотиков
- неожиданные повороты
- болезненная правда
- игра с кровью
- главный герой презабвенно ревнивый
- упоминается о смерти второстепенного персонажа
- двойства

Перед началом прочтения этой книги ознакомьтесь с триггерами

ВТОРАЯ КНИГА В ЦИКЛЕ «КЛЯТВА ЛЮБВИ»

Глава 1

Я слышу звуки в самой дальней части комнаты.

Сначала мне кажется, что это всего лишь работа кондиционера. Воздуховод над потолком время от времени издаёт глухой металлический гул, а где-то за стеной шумит море. В нашем отеле в Бодруме вообще трудно понять, откуда доносятся звуки. Здесь всё смешивается: плеск воды в бассейне, приглушённая музыка из ресторана, шаги гостей по мраморным коридорам, звон бокалов на террасе и далёкие голоса персонала.

Но этот звук не похож ни на один из них.

Кто-то перелистывает бумаги.

Медленно, неторопливо, будто совершенно не боится, что его услышат.

Я останавливаюсь посреди комнаты и замираю, прислушиваясь. За последние две недели я успела привыкнуть к тому, что в этом отеле никогда не бывает по-настоящему тихо. Даже ночью здесь сохраняется ощущение чужого присутствия. За дверями постоянно кто-то проходит, в соседних номерах разговаривают, а в коридорах охрана появляется так часто, что это уже перестаёт казаться случайностью.

Я медленно поворачиваю голову в сторону дальней части комнаты.

Дверь открыта полностью. Между ней и стеной остаётся узкая щель, через которую пробивается холодный белый свет.

Звук повторяется.

Шорох бумаги.

Я делаю несколько осторожных шагов. Пол под босыми ступнями прохладный, несмотря на жару за окном. Чем ближе я подхожу, тем отчётливее слышу приглушённое движение внутри.

Остановившись у двери, я наклоняюсь и заглядываю через щель.

В комнате находится Макар.

Он сидит за широким письменным столом, заваленным документами. На поверхности лежат папки, несколько телефонов, распечатанные таблицы и какие-то конверты без подписей. Рядом стоит почти нетронутый стакан воды, а возле него — чёрная зажигалка и металлическая ручка.

Макар перелистывает бумаги одной рукой, второй придерживая раскрытую папку.

Он выглядит так, словно способен просидеть в этой комнате целую ночь, не изменив положения тела.

Высокий, широкоплечий, с тяжёлым взглядом и неподвижным лицом. Его присутствие даже на расстоянии вызывает неприятное чувство — словно я случайно заглянула туда, куда мне входить запрещено. В нём нет ничего открытого или располагающего. Он не улыбается просто так, не вступает в разговоры без причины и почти никогда не объясняет свои поступки.

Его кисти и пальцы покрыты татуировками. Чёрные линии уходят под рукава рубашки, а между рисунками видны тонкие шрамы. На костяшках пальцев кожа местами неровная, будто руки слишком часто сталкивались с чем-то твёрдым.

Я ни разу не видела его без пиджака.

За все две недели нашего отдыха — ни утром, ни вечером, ни у бассейна, ни на пляже. Даже в самую жаркую погоду, когда остальные мужчины ходили в лёгких рубашках или футболках, Макар появлялся в одном и том же стиле: тёмные брюки, идеально выглаженная рубашка и пиджак.

Его одежда всегда выглядела безупречно.

Слишком безупречно для человека, который проводит отпуск в прибрежном отеле.

Я невольно задерживаю взгляд на его руках. На шрамах. На том, как уверенно он держит документы. Макар не производит впечатления обычного бизнесмена, приехавшего в Бодрум отдохнуть после тяжёлого года. В нём есть что-то другое. Что-то такое, от чего хочется отступить, даже если он молчит.

В этот момент он внезапно прекращает перелистывать бумаги.

Моё сердце пропускает удар.

Макар медленно поднимает голову, словно чувствует чужой взгляд. Я отступаю от двери и прижимаюсь спиной к стене, стараясь не издать ни звука.

Несколько секунд ничего не происходит.

Затем лист бумаги шуршит под его пальцами.

Я не знаю, заметил он меня или нет.

Стараясь двигаться как можно тише, я отхожу от двери и направляюсь к выходу. Мне совсем не хочется сталкиваться с ним лицом к лицу. В присутствии Макара я постоянно ощущаю себя так, будто хожу по тонкому льду. Любая случайная фраза может обернуться неприятностями.

Я выхожу в коридор и тихо прикрываю за собой дверь.

В отеле пахнет морской солью, дорогими духами и полированным деревом. Из открытых окон в конце коридора доносится влажный ветер. Где-то внизу смеются гости, а за стеклянными дверями мелькают солнечные блики.

Я успеваю сделать всего несколько шагов, когда навстречу мне выходит Габриэль.

Он появляется из-за поворота с привычной ленивой улыбкой, будто специально искал возможность со мной столкнуться. На нём светлая рубашка с закатанными рукавами и тёмные брюки. Его голубые глаза сразу цепляются за меня, а на мускулистой шее виднеются татуировки — чёрные линии, уходящие под воротник.

Габриэль всегда выглядел слишком уверенно.

Высокий, сильный, привлекательный. Из тех мужчин, которые знают, какое впечатление производят на окружающих, и беззастенчиво этим пользуются.

Когда мы только приехали, я думала, что нравлюсь ему. Он часто подходил ко мне, шутил, задерживал взгляд, случайно касался руки. Я принимала всё это за взаимный интерес, пока не поняла, что Габриэль ведёт себя так почти со всеми девушками.

Ему нравилось играть.

А я не собиралась снова становиться чьей-то игрой.

— Ты где была? — спрашивает он, преграждая мне дорогу.

Его голос звучит мягко, но в интонации появляется знакомая нотка собственничества. Он говорит так, будто имеет право знать, где я нахожусь и с кем провожу время.

Я бросаю короткий взгляд в сторону лестницы, надеясь обойти его, однако Габриэль делает шаг следом.

— Всё нормально, — отвечаю я, стараясь сохранить спокойствие. — Просто прогуливаюсь.

Я пытаюсь пройти мимо, но он поворачивается вместе со мной.

— Ну, Стеф, — протягивает Габриэль, наклоня голову. Его улыбка становится шире, хотя в глазах появляется раздражение. — Неужели ты до сих пор обижаешься на меня?

— Я не обижаюсь.

— Тогда почему избегаешь меня?

Он движется быстрее, чем я ожидала, и кладёт ладонь мне на локоть. Не слишком сильно, но достаточно, чтобы остановить.

Я сразу напрягаюсь.

Его пальцы сжимаются вокруг моей руки, и на мгновение во мне поднимается злость. Я ненавижу, когда меня удерживают без разрешения.

— Отпусти, — говорю я, глядя на его руку.

Габриэль не сразу реагирует. Он смотрит мне в лицо, словно пытается решить, насколько далеко может зайти.

— Я просто хочу поговорить, — произносит он уже тише. — Ты ведёшь себя так, будто я сделал что-то ужасное.

— Ты сделал достаточно, чтобы я не хотела с тобой разговаривать.

Его улыбка исчезает.

— А если я не понимаю, что именно?

— Тогда это уже не моя проблема.

Я резко высвобождаю локоть. На коже остаётся красный след от его пальцев. Габриэль смотрит на него, затем снова переводит взгляд на меня.

— Стефани, не начинай, — говорит он, раздражённо выдыхая. — Ты всё усложняешь.

— Мне нужно пойти к Айле. Мы сегодня должны провести день вместе.

— Но мы могли бы провести его вместе, — возражает Габриэль, снова пытаясь приблизиться. — Ты ведь сама раньше не была против.

— Раньше я ошибалась.

Он замирает.

На его лице появляется выражение, которого я прежде не видела. Не обида. Скорее, уязвлённая гордость.

— Серьёзно? — спрашивает он. — Ты решила наказать меня за то, что я не захотел серьёзных отношений?

— Я никого не наказываю. Я просто больше не хочу участвовать в твоих играх.

— Стеф, стой.

Его голос становится жёстче. Я продолжаю идти, но он делает шаг ко мне.

И в этот момент за моей спиной раздаётся низкий, неприятно спокойный голос.

— Габриэль.

Мы оба одновременно поворачиваемся.

Макар стоит в нескольких метрах от нас.

Я не слышала, как он вышел из комнаты. Он держит одну руку в кармане брюк, а вторая свободно опущена вдоль тела. На нём всё тот же чёрный пиджак, идеально сидящий на широких плечах. Его лицо ничего не выражает, но взгляд заставляет воздух вокруг нас стать тяжелее.

Габриэль смотрит на него с непониманием.

— Слушаю? — отвечает он, слегка приподняв подбородок.

Макар даже не удостоивает его взглядом.

Он смотрит только на меня.

Его глаза скользят по моим рыжим прямым волосам, по лицу, по руке, которую несколько секунд назад удерживал Габриэль. В этом взгляде нет любопытства. Только холодная оценка, от которой по коже бегут мурашки.

Я отвожу глаза.

Мне неприятно, когда Макар смотрит на меня. В его взгляде слишком много власти. Он словно замечает всё, что я стараюсь скрыть.

— Нам нужно поговорить о проекте, — произносит он, обращаясь к Габриэлю.

Слова звучат не как просьба. Скорее, как приказ.

Макар разворачивается и уходит, не дожидаясь ответа.

Габриэль смотрит ему вслед, нахмурившись.

— Что это сейчас было? — спрашивает он.

— Не знаю, — отвечаю я.

— Ты знакома с ним ближе, чем говоришь?

— Я едва с ним разговаривала.

— Он смотрел на тебя так, будто...

— Не начинай, Габриэль.

Я обхожу его и направляюсь к лифту.

— Стефани, — зовёт он вслед.

Я не останавливаюсь.

За спиной слышится его раздражённый выдох, но через несколько секунд шаги затихают. Я нажимаю кнопку вызова лифта и смотрю на своё отражение в металлических дверях.

Лицо выглядит спокойным, но внутри всё ещё неприятно холодно.

Макар вызывает у меня странное чувство. Я не могу назвать его просто неприятным. Это скорее инстинктивное отторжение, смешанное с тревогой. Я не знаю, что он скрывает, но уверена: он опаснее, чем хочет казаться.

Двери лифта открываются.

Я захожу внутрь и нажимаю кнопку первого этажа.

Пока лифт медленно спускается, я пытаюсь выбросить из головы Макара. Мне нужно встретиться с Айлой. Мы договорились провести день вместе, выбраться к морю, пообедать в небольшом ресторане за пределами отеля и, возможно, вечером прогуляться по набережной.

Айла всегда умела отвлекать меня от неприятных мыслей.

Она была одной из немногих людей, рядом с которыми я могла не притворяться сильнее, чем являюсь.

Когда двери открываются на первом этаже, я выхожу в главный холл. Здесь прохладнее, чем в коридорах. Огромные стеклянные окна пропускают внутрь яркий свет, а за ними виднеется синяя гладь бассейна и белые зонты, расставленные вдоль террасы.

Я подхожу к окну.

У дальней колонны стоят Амир, Мустафа и Макар.

Они разговаривают негромко, но по их позам понятно, что беседа далека от обычного дружеского разговора. Мустафа держит руки скрещёнными на груди и постоянно оглядывается по сторонам. Амир слушает, не перебивая, а Макар говорит коротко и резко, почти не двигая головой.

Даже на расстоянии заметно, что остальные относятся к нему настороженно.

В этот момент к ним подходит Мария.

Она всегда находит способ оказаться рядом с Амиром.

Её длинные чёрные волосы распущены по плечам, а голубые глаза демонстративно следят за ним. Мария улыбается, поправляет тонкую бретельку платья и встаёт так близко, что между ними почти не остаётся расстояния.

Амир едва смотрит на неё.

Макар замечает Марию, но никак не реагирует. Мустафа переводит взгляд с неё на Амира и едва заметно усмехается.

Я тоже не удерживаюсь от улыбки.

Если бы Айла увидела, как Мария пытается привлечь внимание её мужа, она бы, наверное, устроила сцену прямо посреди холла.

Я уже собираюсь отойти от окна, когда Макар внезапно поворачивает голову.

Наши взгляды встречаются.

На этот раз он замечает меня сразу.

Я отступаю от стекла и направляюсь к лифту. Мне не хочется, чтобы он понял, что я наблюдала за ними. Впрочем, по его лицу невозможно определить, что он думает.

Через полчаса я должна встретиться с Айлой у её номера.

Я нажимаю кнопку пятнадцатого этажа.

Лифт начинает подниматься. На третьем этаже внутрь заходят двое постояльцев — пожилая пара с пляжными сумками и мужчина в белой рубашке. Они говорят о ресторане на территории отеля, обсуждая, стоит ли бронировать столик на вечер.

На восьмом этаже они выходят.

Я остаюсь одна.

Когда двери снова закрываются, я смотрю на панель с кнопками и вспоминаю: именно на восьмом этаже находится номер Макара.

Мой палец зависает над кнопкой.

Я могла бы подняться к Айле и забыть обо всём.

Могла бы убедить себя, что странности Макара не имеют ко мне никакого отношения.

Но любопытство оказывается сильнее здравого смысла.

Я уже несколько дней повторяю Айле, что Макар что-то скрывает. Она не верит мне, считает, что его поведение подходит для обычного бизнесмена. Я сначала тоже решила не углубляться, но теперь, после того как увидела документы в его комнате, начинаю сомневаться.

Лифт останавливается на пятнадцатом этаже.

Я выхожу, однако сразу не иду к номеру Айлы.

Несколько секунд я просто стою в пустом коридоре.

Внутри отеля царит непривычная тишина. Сюда почти не доносится музыка с первого этажа. Только кондиционер равномерно гудит под потолком, а где-то за одной из дверей работает телевизор.

Я нажимаю кнопку вызова лифта и смотрю, как двери медленно закрываются.

Затем снова нажимаю на восьмой этаж.

Когда лифт открывается, я выхожу.

Коридор пуст.

Макар живёт в дальнем конце крыла, за поворотом. Я знаю это, потому что несколько раз видела, как он возвращался туда после встреч с Амиром.

Я иду медленно, стараясь не смотреть по сторонам слишком явно. Моё сердце стучит быстрее с каждым шагом.

Остановившись перед его дверью, я оглядываюсь.

Никого.

Я поднимаю руку и осторожно стучу.

Ответа нет.

Я стучу ещё раз, чуть громче.

Тишина.

Пальцы сами собой ложатся на ручку.

Она опускается без сопротивления.

Дверь открывается.

Макар не запер номер.

Я застываю на пороге.

Это кажется странным. Человек, который никогда не расстаётся с охраной и постоянно проверяет окружающих, не оставил дверь открытой. Возможно, он просто забыл запереть её. Но Макар не производит впечатления человека, способного забыть о таких вещах.

Я должна уйти.

Прямо сейчас.

Однако вместо этого делаю шаг внутрь.

Номер Макара выглядит совершенно иначе, чем комнаты остальных гостей. Здесь нет ярких покрывал, декоративных подушек и ваз с цветами. Всё выдержано в чёрных, серых и тёмно-коричневых оттенках. Тяжёлые шторы почти полностью закрывают окна, не пропуская внутрь солнечный свет.

На стенах нет картин. На полках отсутствуют фотографии или сувениры. Даже мебель кажется лишённой индивидуальности — строгая, дорогая, функциональная.

Комната не похожа на место отдыха.

Она напоминает закрытый кабинет.

Или убежище.

Я прикрываю за собой дверь, но не запираю её. Внутри становится душно, несмотря на работающий кондиционер. Откуда-то доносится терпкий запах дорогого мужского парфюма, смешанный с запахом кожи, металла и сигаретного дыма.

Я подхожу к ближайшей тумбочке.

Верхний ящик пуст.

Во втором лежат запасные часы, несколько зажигалок и документы на автомобиль. Я быстро просматриваю бумаги, но ничего подозрительного не нахожу.

В следующем ящике — медицинская аптечка, пластыри, обезболивающие и упаковка бинтов. На некоторых предметах заметны следы использования.

Я закрываю ящик и подхожу к письменному столу.

Здесь всё разложено слишком аккуратно. Папки стоят по цветам и размерам, ручки лежат параллельно краю стола, а бумаги собраны в несколько плотных стопок. На первый взгляд кажется, что никто не прикасался к ним уже несколько дней.

Я открываю первую папку.

Внутри находятся договоры, связанные с поставками строительных материалов. Названия компаний мне ничего не говорят. Я листаю страницы одну за другой, пытаюсь понять, есть ли в них что-то необычное.

Почти все документы составлены на турецком языке. Некоторые разделы переведены на английский, но даже так я понимаю далеко не всё.

Во второй папке находятся счета.

В третьей — копии паспортов и удостоверений.

Я чувствую, как напряжение растёт.

Сначала я искала лишь подтверждение словам Айлы. Хотела найти что-то странное, но не опасное. Может быть, тайный контракт, поддельный адрес, документы на компанию, о которой он не рассказывал.

Но чем больше я смотрю, тем сильнее становится тревога.

В комнате слишком много бумаг для обычного отпуска.

Я открываю нижний ящик стола.

Там лежат конверты.

Некоторые запечатаны, другие раскрыты. На одном из них выведено имя, которое я не знаю. На другом — только несколько цифр и дата.

Я беру первый конверт и вытаскиваю документы.

Среди них есть таблицы с переводами денег. Суммы настолько крупные, что я невольно задерживаю дыхание. Несколько платежей поступили от компаний, которые не имеют никакого отношения к строительному бизнесу. Другие переводы ушли в неизвестные страны.

Я перелистываю бумаги дальше.

На одной странице встречается слово, которое я понимаю без перевода.

Отмывание.

Я снова смотрю на документ.

Возможно, я ошибаюсь.

Возможно, речь идёт о проверке подозрительных операций или о каком-то юридическом споре. Но следующие страницы заставляют меня перестать искать оправдания.

Встречаются имена людей.

Рядом с некоторыми стоят даты.

Возле других — короткие пометки: «враг», «устранён», «долг», «контроль».

У меня пересыхает во рту.

Я открываю другой конверт.

В нём лежат копии договоров на поставки опасных веществ. Я не понимаю всех терминов, однако вижу фотографии контейнеров, номера маршрутов и таблицы с весом грузов.

На последних страницах несколько раз упоминается слово «наркотики».

Руки начинают дрожать.

Я перевожу взгляд на дверь.

Она всё ещё закрыта.

В комнате тихо.

Слишком тихо.

Я возвращаюсь к папкам и нахожу ещё несколько документов. Здесь уже не остаётся места для сомнений. В них говорится о контрактах, убийствах, подкупе, перевозках и людях, которые должны были исчезнуть.

Моё дыхание становится поверхностным.

Макар не просто бизнесмен.
Он связан с преступным миром.
И, судя по документам, не является второстепенной фигурой.
Он — дон.
Человек, которому подчиняются другие.
Человек, способный решать, кто будет жить, а кто исчезнет.
Я прижимаю ладонь ко рту, чтобы не вырвался звук.
Перед глазами всплывают его руки. Татуировки. Шрамы. Холодный взгляд. Пиджак, который он не снимает даже в жару.
Теперь всё кажется очевидным.
Я должна уйти.
Немедленно.
Я достаю телефон и начинаю фотографировать документы. Сначала пальцы плохо слушаются, камера несколько раз не фокусируется. Я стискиваю зубы и заставляю себя продолжать.
Щёлк.
Ещё один снимок.
Щёлк.
Я фотографирую страницы с именами, таблицами переводов, маршрутами и печатями. Затем снимаю конверты и папки, стараясь не менять их расположение.
Внутри меня всё кричит, что нужно бежать.
Я уже убираю телефон, когда замечаю большой шкаф у дальней стены.
Его двери закрыты.
Я оглядываюсь на вход.
Снова тишина.
Я понимаю, что не должна этого делать, но любопытство, страх и желание получить доказательства заставляют меня подойти ближе.
Ручка шкафа холодная.
Я медленно открываю дверцу.
Сразу в лицо ударяет запах Макара — тяжёлый, терпкий, с нотами древесины и чего-то горького. На вешалках висят его пиджаки: чёрные, серые, тёмно-синие. Все одинаково строгие, все идеально выглаженные.
Я уже хочу закрыть шкаф, когда замечаю за рядом одежды металлический блеск.
Сначала я думаю, что это коробка.
Затем вижу пистолет.
Я застываю.
Оружие лежит на верхней полке, рядом с несколькими магазинами. Под ним находятся ещё два пистолета, а внизу — длинные чёрные кейсы.
Я осторожно отодвигаю одежду.
Внутри лежит слишком много оружия.
Пистолеты разных моделей, ножи, запасные магазины, коробки с патронами. Некоторые предметы аккуратно разложены по ячейкам, другие находятся в закрытых футлярах.
У меня подкашиваются ноги.
Я медленно отступаю.
Теперь я знаю ответ.
Не знаю только, успею ли выбраться.
Я бросаю последний взгляд на комнату.
На столе остаются бумаги. Я понимаю, что фотографии могут быть недостаточными, но возвращаться за документами нельзя.
Нужно рассказать всё Айле.

Я открываю дверь и выглядываю в коридор.
Он пуст.
Я выхожу, прикрывая дверь за собой.
Несколько секунд стою неподвижно, пытаюсь успокоить дыхание.
Затем начинаю идти.
Сначала быстро.
Потом почти бегом.
Коридор кажется длиннее, чем несколько минут назад. Каждый звук отражается от стен и возвращается ко мне глухим эхом. Шаги звучат слишком громко. Собственное дыхание становится тяжёлым и рваным.
Я поворачиваю за угол.
В конце коридора никого.
Я ускоряюсь.
Мои пальцы сжимают телефон. На экране всё ещё открыта галерея с фотографиями документов. Если со мной что-то случится, Айла должна их увидеть.
Я достаю телефон, чтобы отправить ей снимки, но в этот момент слышу шаги.
Сзади.
Я оборачиваюсь.
Коридор пуст.
Но шаги не прекращаются.
Глухие, размеренные, уверенные.
Кто-то идёт следом.
Я начинаю двигаться быстрее. Каблуки стучат по полу, дыхание становится шумным. Впереди появляется поворот к лифту, и я почти бегу к нему.
Затем слышу мужской голос.
— Она здесь.
У меня внутри всё сжимается.
Я не успеваю добежать до лифта.
Из бокового прохода выходит мужчина в тёмной одежде. Лицо закрыто маской, руки спрятаны в чёрных перчатках. За ним появляется второй.
Я отступаю.
— Не трогайте меня, — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я ничего не взяла.
Первый мужчина не отвечает.
Он бросается ко мне.
Я разворачиваюсь и пытаюсь побежать обратно, но второй оказывается сзади. Он хватается за плечо и резко разворачивает к себе.
— Отпустите! — кричу я, вырываясь.
Мужчина зажимает мне рот ладонью.
От его кожи пахнет резиной и табаком.
Я дёргаю головой, пытаюсь освободиться, но его пальцы сжимаются сильнее. Второй человек достаёт из кармана кусок ткани, пропитанный резким химическим запахом.
Я сразу понимаю, что он собирается сделать.
Паника накрывает меня мгновенно.
Я бью его локтем в живот. Он отшатывается, но удерживает меня за плечо. Я снова пытаюсь вырваться, цепляюсь ногой за край ковра и едва не падаю.
Ткань приближается к моему лицу.
Я изо всех сил отворачиваюсь.
— Помогите! — кричу я сквозь ладонь, закрывающую рот.
Мой голос глушится, но мужчина на мгновение теряет контроль.

Я резко наступаю ему на ногу и отталкиваюсь всем телом. Его рука соскальзывает с моего лица.

Я бросаюсь вперёд.

На бегу задеваю стоящую у стены высокую вазу.

Она падает на мраморный пол и разбивается с оглушительным звоном.

Осколки разлетаются в стороны.

Я не останавливаюсь.

Мой страх превращается в единственное, что сейчас поддерживает меня на ногах.

Я забегая за угол, но слышу, как мужчины бросаются следом.

— Хватайте её!

Я стискиваю зубы и лезу рукой в карман.

Там лежит складной нож.

Я всегда носила его с собой, хотя никогда не думала, что действительно воспользуюсь.

Пальцы дрожат, пока я раскрываю лезвие.

Первый мужчина догоняет меня возле лифта.

Он хватает меня за запястье и с силой тянет назад.

Я разворачиваюсь и ударяю ножом.

Лезвие проходит по его руке.

На тёмной ткани появляется разрез, под которым выступает кровь.

Но мужчина даже не дёргается.

Он лишь смотрит на порез, а затем поднимает взгляд на меня.

В его глазах нет боли.

Только холодная ярость.

Моё сердце проваливается.

Я отступаю, но он сжимает моё запястье. Его пальцы словно железные. Нож выпадает из моей руки и звякает о пол.

— Отпусти, — выдыхаю я.

Он не отвечает.

Второй мужчина подходит сзади. Я ощущаю резкий запах ткани ещё до того, как она касается моего лица.

Я пытаюсь ударить его локтем, царапаю ногтями руку первого, бью ногой в колено. Но сил становится всё меньше.

Коридор начинает расплываться.

Звуки удаляются, превращаясь в глухой шум. Свет ламп над головой меркнет, а стены будто наклоняются.

Я думаю об Айле.

Она ждёт меня у своего номера.

Наверное, уже смотрит на часы и сердится, что я опаздываю.

Мне нужно предупредить её.

Нужно сказать, что Макар опасен.

Нужно отправить фотографии.

Я пытаюсь дотянуться до телефона, но рука больше не слушается.

Мужчина удерживает меня, а ткань всё сильнее прижимается к лицу.

В лёгких становится тесно.

Я судорожно втягиваю воздух, однако запах химиката заполняет всё вокруг. Перед глазами появляются тёмные пятна.

Последнее, что я слышу, — приглушённый голос одного из мужчин:

— Быстрее. Босс не любит ждать.

После этих слов всё вокруг проваливается во тьму.

Глава 2

Глава 2.

Мое тело дрожало так сильно, что цепи тихо звенели при каждом движении.

Я не знала, сколько времени провела без сознания. Может быть, несколько часов. Может, целую ночь. В темноте время исчезало. Оно больше не имело значения. Оставались только холодный каменный пол подо мной, боль в запястьях и сухость во рту, от которой язык казался тяжелым и чужим.

Я лежала на боку, подтянув колени к груди. От стены тянуло сыростью. Она проникала сквозь одежду и медленно пробиралась к коже, будто холодные пальцы скользили по спине. Воздух был затхлым, густым, пропитанным запахом пыли, плесени и чего-то едкого, от чего першило в горле.

Я попыталась пошевелить руками.

Металл впился в кожу.

Боль прошла от запястий до локтей, и я стиснула зубы, чтобы не застонать. Кандалы были соединены короткой цепью и прикреплены к тяжелому кольцу в стене. Я дернула руками еще раз, уже сильнее, но железо даже не дрогнуло.

Только отозвалось сухим звоном.

Я замерла, тяжело дыша.

— Где я?.. — прошептала я в темноту.

Собственный голос показался мне слабым и незнакомым. Он тут же растворился в пустом помещении, не встретив ни ответа, ни даже эха.

Я попробовала вспомнить, что произошло.

В памяти вспыхивали отдельные обрывки: коридор, приглушенный свет, чей-то резкий запах, рука, закрывшая мне рот. Потом — тупая тяжесть в голове и темнота.

Я провела языком по пересохшим губам. Горло болезненно сжалось.

Мне хотелось пить.

Не просто хотелось — тело требовало воды. Казалось, я не пила несколько дней. Каждая клетка внутри пересохла. Голова кружилась, перед глазами плавали мутные пятна, а сердце билось слишком быстро.

Я закрыла глаза и попыталась сделать медленный вдох.

Вдох.

Выдох.

Но спокойствие не приходило.

Где-то за стеной раздался глухой звук. Словно по каменному полу протащили тяжелый предмет.

Я напряглась.

В темноте что-то едва слышно скреблось. Потом звук исчез. Несколько секунд стояла тишина, настолько плотная, что я слышала собственное сердцебиение.

А затем за дверью повернулся ключ.

Я резко подняла голову.

Дверь открылась с протяжным скрипом. В помещение ворвался слабый желтоватый свет, и мне пришлось прищуриться. После полной темноты даже тусклое освещение резало глаза.

В комнату вошли трое мужчин.

Первый был высоким и широкоплечим. На вид ему было около тридцати пяти. На правой брови тянулся неровный шрам, уходивший к виску. Черная футболка плотно облегла его руки, на которых выступали напряженные мышцы. Он держался неподвижно, но в его взгляде было что-то тяжелое и безразличное, словно чужой страх давно перестал его интересовать.

Второй мужчина выглядел старше своих лет. Ему было около тридцати, но почти полностью облысевшая голова и холодное лицо делали его гораздо старше. Он стоял чуть позади первого, засунув руки в карманы темных брюк.

Я сразу узнала его.

Воспоминание обрушилось внезапно.

Именно он усыпил меня.

Я помнила его лицо, наклонившееся надо мной. Помнила едкий запах препарата и то, как сознание медленно ускользало, несмотря на мои попытки сопротивляться.

Третий держал собаку.

Сначала я не заметила животное. Оно почти сливалось с темнотой коридора. Только когда мужчина сделал шаг вперед, я увидела огромную черную собаку с массивной головой и короткой блестящей шерстью. Ее пасть была приоткрыта, между острыми зубами тянулась слюна.

Мужчина обладал светлыми волосами и неприятной улыбкой. Он смотрел на меня так, будто уже знал, как именно я буду кричать.

Собака глухо зарычала.

Я отодвинулась к стене, насколько позволяла цепь. Спина ударилась о холодный камень, а пальцы судорожно сжались.

Дыхание стало рваным.

И тогда я вспомнила прошлое.

Запах закрытого помещения.

Тяжелые шаги за дверью.

Металл на запястьях.

Чужие руки.

Мой собственный дядя, который когда-то запер меня и пытался воспользоваться моим страхом. Я помнила его голос, липкую улыбку и то, как он не реагировал на мои просьбы остановиться.

Я помнила, как не могла вырваться.

Как звала на помощь, пока голос не сорвался.

Как после этого долго не могла спокойно находиться в закрытой комнате.

Теперь прошлое вернулось вместе с холодом.

Воздуха стало не хватать. Я открыла рот, но вдох вышел коротким и хриплым. Грудь сдавило так, будто на нее положили тяжелую плиту.

— Нет... — едва слышно произнесла я.

Мужчины расступились.

В дверном проеме появился Макар Моретти.

Я узнала его сразу — даже в полумраке, даже если бы не видела лица. Его силуэт невозможно было спутать ни с чьим другим. Высокий, прямой, неподвижный. Он не торопился, словно это помещение принадлежало ему вместе со страхом, который здесь оставляли другие люди.

Он вошел и закрыл за собой дверь.

Слабый свет упал на его лицо. Оно казалось холодным и жестким. В его глазах не было ни любопытства, ни сомнения. Только раздражение, которое он даже не пытался скрыть.

Он остановился напротив меня.

— Ты проснулась, искорка, — произнес Макар.

Его голос был низким, хриплым и неприятно спокойным. От этого спокойствия становилось страшнее. Он говорил так, будто уже решил, что со мной произойдет, и теперь лишь выбирал момент.

Я прижалась к стене сильнее.

— Не подходи ко мне.

Мой голос дрогнул, но я старалась не опускать взгляд. Не потому, что была храброй. Просто знала: если покажу ему, насколько боюсь, он воспользуется этим.

На губах Макара появилась слабая улыбка.

— Ты боишься меня?

Он произнес это почти мягко, однако в интонации слышалась насмешка. Он сделал шаг вперед, и подошвы его обуви глухо ударили по полу.

Я ничего не ответила.

Он наклонил голову, изучая мое лицо.

— Я задал вопрос.

Молчание продлилось всего несколько секунд, но они показались мне вечностью.

Макар резко схватил меня за волосы и дернул на себя.

Кожа головы вспыхнула болью. Я вскрикнула и вцепилась пальцами в его запястье, пытаясь ослабить хватку. Его рука была неподвижной, будто сделанной из железа.

Он приблизил мое лицо к своему.

— Ты боишься меня, Стефани?

Теперь его голос звучал гораздо громче. Он сорвался на рычание, от которого мужчины у двери даже не пошевелились.

— ТЫ БОИШЬСЯ МЕНЯ?!

Я задрожала. В глазах выступили слезы, но я заставила себя не закрывать их.

— Отпусти меня.

Макар сильнее сжал мои волосы.

— И зачем мне это делать?

Он говорил прямо у моего лица. Его дыхание касалось кожи, а в глазах появилось нетерпение.

— Я ничего тебе не сделала.

— Ничего?

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Ты вошла в мою комнату. Ты находилась там одна. После этого исчезли документы, которые стоили мне гораздо больше, чем твоя жизнь.

Я попыталась отвести голову, но он не позволил.

— Слушай меня внимательно, — продолжил Макар. — Если ты сейчас не закроешь рот и не начнешь отвечать, я застрелю тебя прямо здесь.

Он говорил тихо, однако каждое слово звучало как обещание.

Я почувствовала, как по спине прошел холод.

— Что тебе от меня нужно? — спросила я.

Голос вышел слабым. Я ненавидела себя за это, но горло сдавило так сильно, что почти невозможно было говорить.

Макар внезапно отпустил мои волосы.

Я отшатнулась и едва не завалилась на бок. В голове потемнело, перед глазами поплыл серый туман. Я уперлась ладонью в пол и несколько секунд пыталась не потерять сознание.

Макар выпрямился.

— Это ты мне скажи, — бросил он. — Что ты забыла в моей комнате?

Я прижала ладонь к голове. Кожа горела там, где он тянул меня за волосы.

— Я не знаю, о каких документах ты говоришь.

Его лицо изменилось.

Раздражение превратилось в ярость.

Макар сжал пальцы в кулак и медленно разжал их. Это движение выглядело почти контролируемым, но в нем чувствовалось усилие человека, который сдерживает желание ударить.

— Из-за тебя кто-то украл мои документы.

— Я их не брала.

— Не смей мне лгать.

Он сделал шаг ко мне. Я снова вжалась в стену.

— Я не лгу.

— Ты была в комнате.

— Да, но я ничего не брала.

Макар резко повернулся к одному из охранников.

— Мирон.

Лысый мужчина поднял взгляд.

— Сними с нее кандалы.

Я замерла.

На мгновение мне показалось, что я неправильно услышала.

Макар снова посмотрел на меня. Его глаза были темными и холодными.

— Что?

— Ты слышала, — сказал он. — Мирон снимет цепи.

Я не почувствовала облегчения. Его приказ звучал не как освобождение. Скорее как начало чего-то гораздо худшего.

Мирон подошел ко мне и присел рядом. Он достал ключ и вставил его в замок. Металл щелкнул, и цепь упала на пол.

Я осторожно пошевелила руками. В запястьях пульсировала боль. Кожа была содрана и покраснела.

Я не успела сделать и шага.

Мирон схватил меня за руку.

— Вставай.

Я попыталась вырваться.

— Куда вы меня ведете?

Он сжал мою руку сильнее, заставляя подняться. Пальцы впились в кожу так, что стало больно.

Макар уже вышел в коридор.

Мы последовали за ним.

Я шла, спотыкаясь, потому что ноги не слушались после долгого пребывания на полу. Мирон не замедлялся. Каждый раз, когда я теряла равновесие, он дергал меня вперед.

Коридор был длинным и плохо освещенным. На стенах висели старые бра, но горела только половина ламп. Их желтый свет едва разгонял мрак. Каменная кладка была темной, местами покрытой влажными пятнами.

Я пыталась запомнить путь.

Поворот направо.

Длинная лестница.

Еще один коридор.

Большие окна, за которыми царила ночь.

Мы вышли в холл.

Я впервые увидела особняк целиком. Он был огромным, почти черным, с высокими стенами и тяжелыми колоннами. Внутри не было ничего теплого или жилого. Даже дорогая мебель выглядела здесь чужой. Темные картины, массивные двери, закрытые окна — все напоминало не дом, а крепость.

Снаружи ветер гнул деревья. Их ветви царапали стекла, издавая скребуший звук.

Я не знала, где нахожусь.

От этого становилось еще страшнее.

Макар шел впереди, не оглядываясь. Светловолосый охранник двигался следом. Черная собака на коротком поводке шла рядом с ним, время от времени поворачивая голову в мою сторону.

Ее взгляд был неподвижным.

Я старалась не смотреть на нее, но ощущала ее присутствие каждым нервом.

Мы пересекли внутренний двор. Камни под ногами были мокрыми. Холодный ветер ударил в лицо, и я обхватила себя руками.

— Быстрее, — бросил Макар.

Я продолжила идти.

— Я не понимаю, что происходит.

Он остановился.

Я едва не врезалась в его спину.

Макар медленно повернулся.

— Тебе никто не разрешал задавать вопросы.

— Я имею право знать, где нахожусь.

Он подошел почти вплотную.

— У тебя нет здесь никаких прав.

Его слова прозвучали ровно, но угроза в них была настолько явной, что я замолчала.

Макар снова отвернулся и направился к дальней двери.

Чем ближе мы подходили, тем отчетливее становился собачий лай.

Сначала он звучал приглушенно, словно доносился из-под земли. Потом стал громче. В нем смешивались ярость, возбуждение и голодное нетерпение.

Мое тело застыло.

Я остановилась.

Мирон дернул меня за руку.

— Иди.

— Нет.

Слово вырвалось прежде, чем я успела подумать.

Макар обернулся.

— Что ты сказала?

Я посмотрела на дверь.

За ней раздавался грохот цепей. Несколько собак одновременно бросались вперед, ударяясь поводками о металлические крепления.

— Я туда не пойду.

Макар подошел ко мне.

— Пойдешь.

— Пожалуйста...

Я сама не хотела произносить это слово, но страх оказался сильнее гордости.

Макар посмотрел на меня сверху вниз.

— Ты только сейчас решила просить?

— Я ничего не сделала.

— Мне безразлично.

Он схватил меня за плечо и толкнул к двери. Я уперлась ладонями в холодный металл.

— Макар, нет.

Он наклонился к моему уху.

— Посмотрим, сколько времени тебе понадобится, чтобы вспомнить, кто украл мои документы.

Я повернула голову.

— Я не знаю!

Макар резко распахнул дверь.

Лай обрушился на меня со всей силой.

Внутри было несколько собак. Огромных, сильных, с оскаленными пастьми. Они рвались вперед, натягивая поводки. Когти царапали бетонный пол. В тесном помещении стоял тяжелый запах мочи, грязной шерсти и сырости.

Я отступила.

— Нет...

Макар толкнул меня внутрь.

Я упала на колени, ладони ударились о холодный бетон. За спиной тут же захлопнулась дверь.

Собаки бросились ко мне.

Поводки резко натянулись, удерживая их в нескольких шагах. Одна из них почти достала до моего лица. Ее челюсти сомкнулись в воздухе, и звук удара зубов заставил меня закричать.

Я отползла назад, пока спина не уперлась в стену.

— Макар!

Он стоял по другую сторону двери и смотрел на меня через узкое окно.

— Ты не можешь так со мной поступить!

На его лице появилась жестокая улыбка.

— Могу.

Он наклонился ближе к стеклу.

— И сделаю.

— *Пожалуйста*, не оставляй меня здесь!

— Вспомни, где документы, — сказал он. — Тогда, возможно, я решу, что ты заслуживаешь другого места.

— Я не знаю, о чем ты говоришь!

Макар выпрямился.

— Узнаешь.

Он отошел от двери.

— Нет! Макар!

Я бросилась к металлической створке и начала стучать кулаками.

— Открой! Открой дверь!

Лай становился все громче. Собаки метались вокруг меня, натягивая поводки. Их слюна падала на пол, тяжелое дыхание сливалось в один гул.

Я продолжала стучать.
— Я ничего не брала! Ты слышишь меня?!

Ответа не было.
Шаги Макара постепенно стихли.
Он ушел.
Я осталась одна.
Нет.
Не одна.
Собаки окружали меня со всех сторон.
Я медленно повернулась. Их было слишком много. Одни сидели у дальней стены, другие стояли, напрягшись всем телом. Некоторые продолжали рычать, не сводя с меня глаз.
Я старалась не двигаться.
Любое движение заставляло их снова бросаться вперед.
В помещении было холодно. Одежда быстро намокла от пола, и холод пробирался к коже.
Я обхватила себя руками, но это не помогало.
На ладони выступила кровь из свежей ссадины.
Я посмотрела на нее, и меня снова затошнило.
— Спокойно... — прошептала я себе. — Спокойно, Стефани.
Одна из собак зарычала.
Я замолчала.
Мое дыхание сбилось. Я закрыла рот ладонью, стараясь не издать ни звука. Сердце било в груди так сильно, что отдавало в горло.
Я не могла позволить себе паниковать.
Если поводок оборвется...
Мысль оборвалась сама собой.
Я не хотела представлять, что произойдет.
Я медленно сползла по стене и села на пол, подтянув колени к груди. Собака, напротив, продолжала смотреть на меня. Ее глаза отражали слабый свет, и в них не было ничего человеческого.
Прошло несколько минут.
Потом еще несколько.
Я не знала, сколько времени сидела неподвижно. Лай постепенно стал реже. Собаки, утомившись, легли на пол, но продолжали следить за мной. Каждое их движение заставляло меня напрягаться.
За дверью не было слышно ни одного шага.
Я подняла глаза к маленькому окну. За ним царил темнота. Где-то далеко, за стенами особняка, завыл ветер.
Наступила ночь.
Или уже была полночь.
Я потеряла лицо ладонями. Пальцы дрожали так сильно, что я едва могла их согнуть.
— Что со мной будет?... — прошептала я.
Ответом стал тихий металлический звон цепи.
Я посмотрела на поводки.
Они крепились к кольцам в стене. Несколько были длиннее остальных. Один из них проходил рядом с ржавым креплением, которое выглядело старым и изношенным.
Я задержала взгляд на нем.
Сначала это показалось случайностью.
Потом я заставила себя рассмотреть внимательнее.

Крепление было покрыто ржавчиной. Металл вокруг него потрескался. Если собака резко дернет поводок, кольцо может немного расшататься.

Но этого было недостаточно.

Даже если одна из собак вырвется, она все равно останется опасной для меня.

Я опустила взгляд.

На полу лежал тонкий кусок металла. Возможно, часть старой скобы или обломок крепления. Он находился почти у самой стены, всего в нескольких сантиметрах от моей ноги.

Я не стала тянуться сразу.

Собаки могли заметить движение.

Я ждала.

Одна из них повернула голову в мою сторону, и я замерла. Несколько секунд животное не сводило с меня взгляда, потом положило морду на лапы.

Только тогда я медленно протянула руку.

Пальцы коснулись металла.

Я сжала его и спрятала под бедром.

Это было немного. Но впервые с момента пробуждения у меня появился хотя бы крошечный шанс.

Я подняла голову к двери.

Макар думал, что запер меня в клетке.

Он хотел, чтобы я сломалась, чтобы испугалась настолько, что сама начала умолять его о милости. Он хотел заставить меня вспомнить то, чего я не знала.

Но я не могла оставаться здесь.

Не могла ждать, пока он вернется.

Не могла надеяться, что кто-то услышит меня.

Я осторожно осмотрела помещение. Под потолком было маленькое вентиляционное отверстие, закрытое металлической решеткой. Слишком высоко. На дальней стене виднелось окно, но оно было забрано толстыми прутьями.

Дверь казалась единственным выходом.

Я посмотрела на замок.

Снаружи.

Значит, нужно было найти способ открыть его изнутри — или заставить кого-то открыть дверь.

Я провела языком по пересохшим губам и крепче сжала металлический обломок.

Собаки снова начали беспокойно двигаться.

Одна из них поднялась и потянула поводок. Крепление в стене тихо скрипнуло.

Я замерла.

Потом снова посмотрела на ржавое кольцо.

Возможно, оно действительно было слабым.

Возможно, вся эта клетка держалась не так надежно, как Макар думал.

Я заставила себя дышать медленно, хотя внутри все кричало от страха.

В памяти возникло его лицо — холодное, жестокое, уверенное в собственной безнаказанности.

Он считал меня беспомощной.

Считал, что страх уже победил меня.

Я закрыла глаза, но тут же открыла их.

Нет.

Я не позволю ему получить это.

Не позволю ему увидеть, как я ломаюсь.

Я осторожно придвинулась к стене, стараясь не потревожить собак. Металлический обломок лежал в моей ладони. Я взглянула на крепление, затем на дверь, потом снова на поводок.

Мне нужно было выбраться.

Но сначала я должна была понять, как сделать это так, чтобы собаки не набросились на меня, чтобы охранники не услышали слишком рано, и чтобы Макар не успел вернуться.

Я прижалась спиной к стене и медленно втянула воздух.

В темноте за дверью снова раздались шаги.

Я замерла.

Кто-то приближался.

Я крепче сжала кусок металла и опустила взгляд, притворившись сломленной. Собаки подняли головы. Цепи зазвенели.

Шаги остановились по ту сторону двери.

Несколько секунд никто не двигался.

Затем в замке повернулся ключ.

Я перестала дышать.

Если это был Макар, у меня оставались считанные секунды.

Я посмотрела на дверь, на собак и на ржавое крепление.

Побег был почти невозможен.

Но другого пути не существовало.

Я должна была выбраться отсюда — даже если для этого придется рискнуть всем.

Глава 3

Глава 3.

Голос Стефани доносился из-за двери — хриплый, сорванный, полный ярости и страха. Она кричала так, будто каждое слово могло стать оружием. Будто если говорить достаточно громко, стены дрогнут, камеры ослепнут, а люди вокруг внезапно вспомнят, что у неё есть право на свободу.

Я не шелохнулся.

Только пальцы медленно сжались на подлокотнике кресла.

Крик разрезал тишину комнаты, но не вызвал во мне ни тревоги, ни жалости. Лишь раздражение. Глухое, вязкое, похожее на холодную грязь, которая медленно поднимается изнутри.

Она поставила меня под удар.

Стефани решила, что сможет обмануть меня. Решила, что достаточно спрятать взгляд, изменить интонацию, сделать вид, будто не понимает, где находится. Но камеры видели всё. Я видел, как она входила в комнату. Видел, как оглядывалась, пытаюсь понять, наблюдают ли за ней. Видел, как открывала документы и проводила пальцами по папкам, словно искала среди них путь наружу.

Она не знала, что я следил за каждым её движением.

В какой-то момент в ней что-то сломалось. Не тело — это было бы слишком просто. Сломался прежний страх. Тот, который заставлял её молчать и отступать. На его месте появилось отчаяние, а отчаяние всегда опаснее храбрости.

Я смотрел на монитор и видел, как она резко поднимает голову.

Зелёные глаза вспыхнули даже через зернистое изображение камеры. В них не было покорности. Только ярость, слишком живая и слишком отчаянная для человека, который находится в моём доме.

Я откинулся назад и усмехнулся.

— Она решила, что сможет уйти, — произнёс я тихо.

Майкл стоял у стены, стараясь не встречаться со мной взглядом. Он понимал: когда я говорю таким голосом, лучше не задавать вопросов.

Шрам пересекал его бровь и уходил к виску. Он получил его несколько лет назад, когда пытался спасти жену. Не смог. С тех пор Майкл носил этот след как напоминание о собственной слабости.

Я терпеть не мог слабость.

Особенно в себе.

— Отнеси ей воды, — сказал я, поднявшись. Мой голос звучал ровно, но в нём уже проступала угроза. — Она не должна потерять сознание раньше времени.

Майкл кивнул и направился к двери.

— Босс...

Я медленно повернул голову.

— Что?

Он замер, держа ладонь на ручке. В его лице мелькнула осторожность.

— Она очень напугана.

Я посмотрел на него несколько секунд.

— Значит, понимает ситуацию.

После этого я вышел из комнаты.

Дом встретил меня привычной тишиной. Можно ли было назвать его домом? В нём были стены, двери, охрана и камеры. Но в нём не было ничего, что люди обычно называют жизнью. Ни смеха, ни случайных разговоров, ни вещей, оставленных не на своих местах.

Каждый предмет здесь стоял там, где должен был стоять.

Каждая дверь закрывалась на замок.

Каждый человек знал, чего от него ждут.

Мне нравился такой порядок. Он не предавал.

Люди — предавали.

Я прошёл в кабинет. Мирон уже ждал меня у стола, положив перед собой планшет и несколько папок. Он был худым, молчаливым и слишком внимательным. Его взгляд почти никогда не задерживался на моём лице, но я знал: он замечает больше, чем показывает.

Я сел в кресло.

— Найди всю информацию о Стефани, — приказал я, снимая часы и кладя их на стол.
— Всю.

Мирон не стал спрашивать, зачем. Он достал телефон, подключился к системе и начал работать.

Я смотрел на его руки.

Спокойные движения. Быстрые пальцы. Ни одной лишней эмоции.

— Она использует имя Стефани? — спросил он.

— Проверь всё. Имена, документы, связи, поездки. Начиная с рождения.

— Понял.

Я откинулся в кресле и закрыл глаза.

Передо мной снова возникло её лицо.

Рыжие волосы, беспорядочно рассыпавшиеся по плечам. Бледная кожа. Упрямо сжатые губы. И эти глаза — зелёные, слишком яркие, слишком живые.

Она смотрела на меня так, будто хотела прожечь дыру в моей коже.

Я уже видел такой взгляд. У людей, которые ещё не поняли, что сопротивление ничего не изменит. Сначала в них горит злость. Потом появляется ужас. После — пустота.

Мне было интересно, на каком этапе окажется Стефани.

Она не походила на тех, кто быстро ломается. Но каждый человек ломается. Вопрос только в том, сколько времени понадобится.

— Готово, — сказал Мирон.

Я открыл глаза.

Он подошёл ближе и протянул мне телефон. На экране была открыта первая страница отчёта.

Фамилия.

Я прочитал её один раз.

Потом ещё раз.

Вальери.

Внутри что-то резко оборвалось.

Я выпрямился и начал читать дальше.

Двадцать два года. Обучение в Италии. Несколько лет отсутствия в стране. Официально — частное образование и проживание за границей. Родители указаны как погибшие. Опекун — родной дядя.

Отец — Николас Вальери.

Я перестал дышать.

Телефон выскользнул из руки и ударился об пол. Экран разлетелся, тёмные трещины расплзлись по стеклу.

Мирон молча посмотрел на меня.

— Повтори фамилию, — произнёс я.

— Вальери.

— Полное имя отца.

— Николас Вальери.

Я встал так резко, что кресло отъехало назад.

В кабинете стало тесно.

Слишком тесно.

Николас.

Перед глазами вспыхнуло прошлое: грязный двор, запах дыма, разбитые машины, крики людей. Николас стоял рядом со мной, весь в крови, но всё ещё держался на ногах. Он прикрывал отход наших людей и понимал, что уже не выберется.

Тогда он попросил меня только об одном.

Защитить его семью.

Я дал клятву.

Клятвы не имели для меня священного значения. Я не верил в богов, судьбу или возмездие. Но обещания, произнесённые перед смертью, оставались в памяти слишком надолго.

Николас погиб.

Я думал, что его жена и ребёнок погибли вместе с ним.

Мы нашли обгоревшую машину. Нашли тела. Нашли документы, которые подтверждали худшее. После этого я закрыл дело и больше не возвращался к нему.

Но Стефани была жива.

Стефани Вальери.

Дочь Николаса.

Я сжал руки в кулаки.

— Почему её не было в базе? — спросил я.

— Документы появились недавно, — ответил Мирон. Он говорил осторожно, понимая, что любое неверное слово может изменить ход разговора. — Возможно, она жила под другой фамилией. Или кто-то намеренно стирал сведения.

— Кто?

— Я проверяю.

— Проверяй быстрее.

Мирон опустил взгляд на разбитый телефон.

— Есть ещё одна деталь.

Я посмотрел на него.

— Какая?

— Несколько лет назад в документах фигурировал другой ребёнок. Девочка, которую вывезли из страны под охраной. Но подтверждения, что это была дочь Николаса, нет.

В кабинете повисла тишина.

Я медленно повернул голову к окну. За стеклом темнел сад, ограждённый высоким забором. За ним начинался лес.

— Другой ребёнок, — повторил я.

В памяти возник образ женщины, которую я видел в тот день. Она держала на руках девочку и кричала, что ребёнок принадлежит ей. Тогда никто не стал разбираться. Началась стрельба. Всё закончилось слишком быстро.

Я считал, что девочка погибла.

А теперь Стефани стояла в моём доме и смотрела на меня зелёными глазами Николаса.

Или это была просто случайность?

Я резко схватил со стола папку и бросил её на пол. За ней последовали документы, ручка, металлическая пепельница. Предметы с грохотом разлетелись по кабинету.

Мирон не двинулся.

— Она всё это время была рядом, — сказал я. — А я даже не знал.

— Возможно, она тоже не знала, кто её отец.

Я подошёл к столу и упёрся ладонями в его край. Дерево тихо скрипнуло под давлением.

Внутри нарастало раздражение.

Не из-за кражи документов.

Не из-за побега.

Из-за того, что прошлое вернулось ко мне в лице девушки, которая не должна была существовать.

Николас умер, оставив мне долг.

А его дочь вошла в мою жизнь не как спасаемая, а как угроза.

Я не собирался выполнять обещание так, как он хотел. Я не был человеком, который спасает людей. Я забирал контроль, устанавливал правила и уничтожил всё, что мешало мне их соблюдать.

Но если Стефани действительно была его дочерью, она принадлежала к той части прошлого, которую я не успел похоронить.

Из коридора донёсся крик.

— Босс!

Голос Майкла.

Я поднял голову.

Крик повторился, теперь уже с улицы.

Я вылетел из кабинета и быстро прошёл через холл. Охранники расступались передо мной, но никто не задавал вопросов. Они уже слышали шум, видели, как Майкл выбежал во двор, и понимали: ситуация вышла из-под контроля.

Когда я оказался на улице, передо мной открылась абсурдная картина.

Стефани сидела на ветке дерева.

Её одежда порвалась на рукаве и зацепилась за кору. Рыжие волосы спутались, отдельные пряди выбились из причёски и липли к лицу. На щеке темнела царапина. Дышала она тяжело, но продолжала смотреть вниз с такой ненавистью, будто весь мир был её личным врагом.

У забора стоял Майкл. По его лбу стекала кровь.

Я несколько секунд молча смотрел на него.

— Как это произошло? — спросил я.

Майкл вытер кровь тыльной стороной ладони и поморщился.

— Она нашла металлический прут. Ударила меня, когда я подошёл.

Я перевёл взгляд на Стефани.

Она сидела на ветке, прижавшись спиной к стволу. В зелёных глазах отражался вечерний свет, но страха в них почти не осталось.

Только злость.

— Ты не смог справиться с одной девушкой? — произнёс я.

В моём голосе не было крика. Это прозвучало хуже. Майкл опустил голову.

— Она ударила неожиданно.

— Неожиданность — оправдание слабых.

Стефани коротко рассмеялась. Смех был сухим и нервным.

— Какой грозный начальник, — выкрикнула она с дерева. — Все вокруг виноваты, кроме тебя?

Я поднял лицо.

Ветер шевелил её волосы. Порванный рукав обнажал часть плеча, на коже виднелись красные следы от веток. Она выглядела измученной, но всё ещё держалась. Как животное, загнанное в угол и готовое вцепиться в руку любого, кто приблизится.

— Стефани, спускайся, — приказал я.

Она крепче обхватила ствол.

— Ты думаешь, я стану тебя слушать?

— Да.

— Тогда ты ещё безумнее, чем выглядишь.

Охранники начали медленно окружать дерево.

Я поднял руку, останавливая их.

Мне не хотелось, чтобы кто-то вмешивался. Не потому, что я заботился о её безопасности. Мне просто не нравилось, когда другие люди прикасались к тому, что уже попало в мою сферу контроля.

— Уйдите, — приказал я.

— Но босс...

— Я сказал уйдите.

Охранники отступили.

Стефани заметила это и прищурилась.

— Боишься, что они увидят, какой ты на самом деле?

— Они давно знают, какой я.

— Тогда почему ты прячешься за ними?

Я шагнул ближе к дереву.

— Ты ошиблась в одном.

— В чём же?

— Я ни за кем не прячусь.

Она посмотрела на забор. Расстояние между веткой и верхней перекладиной было небольшим, но падение могло закончиться тяжёлой травмой.

Я увидел, как она оценивает расстояние.

— Даже не думай, — сказал я.

— А если я всё-таки решу?

— Тогда я поймаю тебя до того, как ты коснёшься земли.

— Не подходи!

Она резко передвинулась по ветке.

Кора хрустнула под её пальцами.

— Стефани, спускайся, — повторил я уже жёстче.

— И что потом? Ты снова запрешь меня с собаками?

— Если понадобится.

— Ты похитил меня!

— Я не обязан оправдываться перед пленницей.

Её лицо изменилось. Взгляд стал ледяным.

— Вот именно. Ты сам это сказал.

Она развернулась к забору.

Я напрягся.

— Стефани.

Она оттолкнулась от ствола.

Всё произошло мгновенно.

Стефани прыгнула на верхнюю часть забора, потеряла равновесие, но удержалась, вцепившись пальцами в металлическую перекладину. Порванная ткань зацепилась за выступ. Она дёрнула рукой, освобождая рукав, и почти сорвалась вниз.

Я бросился вперёд, но она уже перелезла на другую сторону.

— Чёрт!

Стефани спрыгнула в траву за забором и на мгновение исчезла из поля зрения.

Я подбежал к ограде. Она поднялась, пошатнулась и побежала к лесу.

Рыжие волосы развевались за её спиной. Порванная одежда цеплялась за кусты. Она несколько раз споткнулась, но каждый раз снова поднималась.

Она бежала не потому, что верила в спасение.

Она бежала потому, что понимала: если остановится, я заберу у неё даже надежду.

Я перелез через забор.

Майкл что-то крикнул мне вслед, но я не обернулся.

Впереди темнел лес. Деревья стояли плотной стеной, их ветви переплетались над тропой. Вечер быстро сгущался, превращая пространство между стволами в чёрные провалы.

Стефани уже скрылась среди деревьев.

Я пошёл следом.

Она оставляла за собой следы: примятую траву, сломанные ветки, маленькие капли крови на бледных листьях. Каждый знак говорил, куда она направилась.

Она думала, что лес поможет ей.

Не поможет.

Лес не спасал людей. Он только скрывал их достаточно долго, чтобы страх успел сделать свою работу.

Я ускорил шаг.

Внутри не было ни сожаления, ни тревоги, ни желания остановить её ради её же безопасности.

Там было только холодное, сосредоточенное намерение.

Она решила играть.

Что ж, я позволю ей сделать первый ход.

А потом догоню.

Я вошёл под тёмные кроны деревьев и побежал за ней в лес.

Глава 4

Глава 4

Я бежала, не разбирая дороги.

Ветки хлестали по лицу, цеплялись за волосы и оставляли на коже тонкие жгучие полосы. Под ногами скользила влажная земля, проваливаясь под подошвами. Где-то впереди темнели стволы деревьев, плотной стеной перекрывая путь, а за спиной стояла тишина.

Слишком глубокая.

Слишком спокойная.

Я не слышала шагов Макара. Не слышала его голоса. Не слышала даже тяжёлого дыхания человека, который ещё недавно преследовал меня по лесу.

Может быть, он отстал?

Может быть, действительно отпустил?

Эта мысль показалась настолько невероятной, что я едва не споткнулась. Впервые за долгое время во мне вспыхнула надежда. Маленькая, хрупкая, почти болезненная.

Я продолжала бежать.

Лёгкие горели. Горло пересохло. Каждый вдох отдавался резью в груди. Ноги уже не слушались, но страх был сильнее боли. Я представляла, как выбегаю на дорогу, нахожу телефон, звоню в полицию, Айле, кому угодно. Главное — выбраться из этого леса.

Я не знала, где нахожусь.

Не знала, сколько времени прошло.

Не знала, насколько далеко от дома.

Но я должна была найти выход.

— Только бы выбраться... — прошептала я, едва слыша собственный голос из-за хриплого дыхания.

Я попыталась убедить себя, что произнесла это вслух случайно, но слова повисли в темноте, и лес будто ответил мне шорохом листьев.

Я резко остановилась.

Позади никого.

Только высокие деревья, серые в лунном свете. Только туман, стелющийся между корнями. Только чёрные провалы между стволами.

Я сделала шаг.

В следующий миг чья-то рука вцепилась мне в волосы.

Боль вспыхнула в затылке, настолько резкая, что из моего горла вырвался короткий крик. Меня рванули назад. Я потеряла равновесие и рухнула на землю, ударившись ладонью о камень.

В запястье словно взорвалось пламя.

— Ты не сможешь сбежать от меня, Стефани, — произнёс Макар у самого моего уха.

Его голос был негромким, но от этого ещё страшнее. В нём не было ярости. Не было спешки. Он говорил так, будто сообщал очевидную вещь, не допускающую возражений.

Я попыталась вырваться, но его пальцы крепче сжали мои волосы.

— Отпусти меня! — закричала я, оборачиваясь к нему. — Ты псих!

Слова вырвались прежде, чем я успела подумать.

Макар стоял надо мной, почти сливаясь с темнотой. На его лице играла слабая улыбка. Не злая, не раздражённая — скорее заинтересованная. Будто я была не испуганной пленницей, а забавной игрушкой, которая неожиданно решила сопротивляться.

Я нащупала рукой камень.

Пальцы сомкнулись на холодной неровной поверхности.

— Не трогай меня! — выкрикнула я и резко бросила камень в его сторону.

Он успел отшатнуться. Камень скользнул по его виску и упал в траву.

Несколько секунд всё вокруг застыло.

Макар медленно повернул голову. Улыбка исчезла.

Я увидела, как по его коже спускается тонкая тёмная полоска.

— А вот это ты зря, — сказал он тихо.

В его голосе не было крика. Только обещание.

Я отползла назад, но он схватил меня за руку. В следующую секунду его пальцы сомкнулись на моём теле, и он без видимого усилия поднял меня с земли.

Я закричала и начала брыкаться.

Мир перевернулся.

Земля оказалась надо мной, небо — внизу. Кровь ударила в голову. Макар перекинул меня через плечо, словно я ничего не весила. Я ударила его кулаками по спине, попыталась вывернуться, но он крепко удерживал меня за ноги.

— Поставь меня на землю! — кричала я, захлёбываясь слезами. — Отпусти!

Макар продолжал идти.

Каждый его шаг отдавался во мне толчком. Моё лицо оказалось прижато к его спине, я чувствовала запах сырой ткани, дыма и чего-то металлического. Ветки царапали руки. Волосы лезли в рот. Я пыталась дышать, но положение тела не позволяло сделать полный вдох.

— Ещё раз так сделаешь, — произнёс он после долгого молчания, — и я трахну тебя в этом лесу.

Он сказал это почти спокойно, однако от его тона по коже прошёл холод.

Я перестала брыкаться.

Не потому, что сдалась.

Потому что поняла: ему не нужно повышать голос, чтобы заставить меня замолчать.

Он мог причинить мне вред в любую секунду.

И никто не услышал бы моего крика.

Несколько минут мы шли через лес. Я слышала только его шаги и собственное сердце. Оно билось так сильно, будто пыталось вырваться из груди.

Вдали показались огни.

Я узнала их сразу.

Особняк.

Он стоял среди деревьев, огромный и безмолвный, словно не дом, а крепость. Чёрные окна отражали лунный свет. Высокие стены терялись в тумане. Возле входа не было ни одного человека, но я знала: за каждым окном могли находиться наблюдатели.

Макар поднялся по каменным ступеням и вошёл внутрь.

Тепло помещения ударило мне в лицо, но оно не принесло облегчения. В доме было слишком тихо. Даже половицы не скрипели под его шагами.

Он прошёл по коридору и остановился у огромной двери.

Я заметила небольшую панель сбоку. Макар приложил палец к сканеру, и через секунду замок щёлкнул.

Дверь открылась.

За ней лежала темнота.

Макар снял меня с плеча и поставил на пол. Я едва удержалась на ногах. Кровь отхлынула от головы, перед глазами поплыло. Я опёрлась ладонью о стену.

— Где мы? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Макар повернул ко мне лицо.

— Там, где никто не услышит тебя, — ответил он.

Он произнёс это буднично, будто сообщал адрес.

Я заглянула внутрь.

Запах ударил раньше, чем я успела что-либо разглядеть.

Сырость. Ржавчина. Хлор. Что-то тяжёлое и сладковатое, от чего желудок сжался.

Я сделала шаг назад.

В подвале горели несколько ламп. Их свет был тусклым, желтоватым, и от этого помещение казалось ещё страшнее. На стенах виднелись тёмные пятна. В дальнем углу стояли металлические столы, закрытые инструментами. На полу лежали цепи, крюки и толстые верёвки.

Я не хотела смотреть дальше.

Но глаза сами цеплялись за детали.

За белую неподвижную руку, выступавшую из-под покрывала.

За обувь, валявшуюся у стены.

За тёмные следы, уходившие в сливное отверстие в полу.

Я перестала дышать.

— Нет... — прошептала я.

Макар закрыл дверь за моей спиной.

Щелчок замка показался громче выстрела.

— Это тебе подарок, искорка, — сказал он, проходя мимо меня. — Ты ведь сказала, что не останешься с собаками.

Он говорил с насмешкой, словно напоминал о каком-то пустяке.

Я резко повернулась к нему.

— Ты больной! — крикнула я, показывая на подвал. — Ты настоящий психопат!

Всё изменилось мгновенно.

Макар остановился.

Его плечи напряглись. Медленно, очень медленно он повернул голову. Взгляд стал пустым, а лицо — неподвижным.

Он вернулся ко мне.

— Слушай меня внимательно, — произнёс он, наклоняясь так близко, что я почувствовала его дыхание. — Ещё раз повысишь на меня голос — и узнаешь, насколько здесь жарко.

Он резко схватил меня за подбородок и заставил посмотреть в сторону большой металлической бочки.

Оттуда поднимался пар.

Вода внутри бурлила, вырываясь на поверхность тяжёлыми пузырями.

— Видишь? — спросил Макар, не отпуская моего лица.

Я молчала.

— Здесь есть всё, что нужно человеку, который решил перестать быть человеком, — продолжил он. — Инструменты. Цепи. Комната без окон.

Его пальцы сильнее сжали мою кожу.

— Добро пожаловать в ад, дорогая.

Он отпустил меня.

Я отшатнулась, но сразу наткнулась спиной на стену. Казалось, подвал сжимается вокруг меня. Воздух становился тяжелее. С каждой секундой мне было труднее дышать.

Макар подошёл к столу и взял связку ключей.

Звук металла заставил меня вздрогнуть.

— Пожалуйста, — прошептала я. — Я никому ничего не скажу.

Я старалась говорить спокойно, но голос сорвался.

— Уже говорила, — ответил он.

— Я могу всё исправить.

— Нет.

— Макар, я клянусь, что не знаю, где документы.

Он посмотрел на меня с холодным недоверием.

— Ты знаешь.

— Нет!

— Знаешь, — повторил он тише.

В его уверенности было что-то страшное. Он не спрашивал. Он не пытался выяснить правду. Для него я уже была виновата, а любое моё отрицание лишь подтверждало его убеждённость.

Макар подошёл и схватил меня за запястье.

Я попыталась отступить.

— *Не надо...*

— Поздно, — произнёс он.

Он подвёл меня к стене, где из каменной кладки выступало металлическое кольцо. Рядом свисали тяжёлые кандалы.

Я вцепилась пальцами в его рукав.

— Пожалуйста, не оставляй меня здесь.

Макар посмотрел на мои руки, а затем на моё лицо.

— Ты просишь меня оставить тебя?

— Я прошу тебя отпустить меня.

На его губах появилась едва заметная улыбка.

— Это разные вещи.

Он защёлкнул один браслет на моём запястье. Металл оказался ледяным. Второй замок сомкнулся с глухим щелчком.

Я дёрнулась.

— Макар, умоляю...

Он не ответил.

Я посмотрела в сторону.

Рядом со мной лежал человек, накрытый грязной тканью. Лицо было почти полностью скрыто, но одного взгляда на неподвижное тело оказалось достаточно, чтобы внутри всё перевернулось.

Я зажала рот ладонью.

— Не смотри, — сказал Макар.

В его голосе прозвучало не сочувствие, а раздражение.

Я подняла на него глаза.
— Уберите его отсюда.
— Тебе мешает компания?
— Ты не можешь оставить меня с ним!
— Ещё как могу.
Он поправил рукав рубашки и отошёл к двери.
— Собаки тебе не понравились, — продолжил Макар, глядя на меня через плечо. — Пусть теперь трупы составят тебе компанию.
— Ты чудовище! — крикнула я.
Он остановился.
Я сразу пожалела о своих словах, но было поздно.
Макар медленно повернулся.
— Что ты сказала?
Я прижалась к стене.
— Ничего.
— Нет, — возразил он. — Ты сказала достаточно громко.
Я чувствовала, как слёзы стекают по щекам.
— Пожалуйста...
— Что ты плачешь? — спросил Макар. Он подошёл ближе, и его голос стал почти мягким. — Мы только начали.
От этих слов меня затрясло сильнее.
Я зло посмотрела на него сквозь слёзы.
— Не смотри на меня так, — предупредил он.
— Иначе что?
Смелость появилась во мне неожиданно. Возможно, это была не смелость, а отчаяние.
Мне уже нечего было терять.
Макар наклонил голову.
— Иначе я решу, что ты просишь меня сделать тебе больнее.
Я отвернулась.
— Вот так лучше, — сказал он. — Умная девочка.
Он вышел.
Дверь закрылась.
Следом раздался звук замка.
Я осталась одна.
Несколько секунд я не двигалась. Даже дыхание старалась сдерживать, словно Макар мог услышать его сквозь толстую дверь. В ушах ещё стоял звук замка — короткий, сухой, окончательный.
Он запер меня.
Снова.
Я медленно опустилась на пол. Камень подо мной был ледяным, но я почти не чувствовала холода. Всё тело дрожало так сильно, что зубы стучали друг о друга.
«Он ушёл».
Эта мысль должна была принести облегчение.
Но не принесла.
Потому что я знала: Макар не ушёл окончательно. Он просто оставил меня здесь, чтобы страх успел сделать за него половину работы.
Я посмотрела на дверь.
Тяжёлая металлическая плита казалась частью стены. Ни ручки с моей стороны, ни замка, ни малейшей щели, через которую можно было бы позвать на помощь.

Я подползла к ней и приложила ладонь к холодному металлу.
— Помогите... — прошептала я.
Собственный голос показался чужим.
Я ударила кулаком по двери.
Раз.
Другой.
Третий.
Глухой звук тут же умер в подвале.
— Помогите мне!
Я закричала сильнее, но за дверью никто не ответил.
Только где-то в глубине помещения капала вода.
Кап.
Кап.
Кап.
Каждый звук отдавался в голове.
Я снова ударила по двери, пока костяшки пальцев не начали болеть.
— Откройте! Кто-нибудь!
Ответом стала тишина.
Я сползла на пол и прижала ладони к лицу.
«Меня никто не слышит».
Я медленно подняла голову и посмотрела в сторону накрытого тела. Белая ткань слегка шевельнулась от сквозняка, и я вскрикнула, отшатнувшись к стене.
— Нет... нет, пожалуйста...
Я не могла смотреть туда, но взгляд всё равно возвращался.
Мне казалось, что, если я отвернусь, человек под покрывалом встанет. Подойдёт ко мне.
Наклонится. Откроет глаза.
Я зажмурилась.
«Это не происходит».
Но запах говорил обратное.
Сырость.
Металл.
Хлор.
И тот тяжёлый, сладковатый запах, который въедался в горло и заставлял желудок сжиматься.
Меня вырвало.
Я согнулась пополам, хватаясь за живот. В глазах потемнело, тело охватила слабость.
Когда приступ закончился, я несколько секунд не могла поднять голову.
На губах остался горький привкус.
Я вытерла рот тыльной стороной ладони и тихо рассмеялась.
Смех получился нервным, почти безумным.
— Отлично, Стефани... — прошептала я. — Просто отлично. Ты заперта в подвале у психопата и разговариваешь сама с собой.
Слова прозвучали в темноте, но никто не ответил.
Я подтянула колени к груди.
В памяти снова всплыло лицо Макара.
Его спокойный взгляд.
Едва заметная улыбка.
Пальцы, сжимающие мой подбородок.

Он ни разу не повысил голоса по-настоящему. Ему это было не нужно. Он говорил тихо, почти мягко, и от этого каждое слово казалось ещё страшнее.

Макар не угрожал.

Он сообщал.

«Ты не выйдешь».

«Тебя никто не услышит».

«Ты будешь делать то, что я скажу».

Он говорил так, будто моя судьба уже была решена задолго до того, как я появилась в этом доме.

Я обхватила себя руками и стала раскачиваться из стороны в сторону.

Одна в подвале, где воздух пах смертью.

Я перестала считать часы после первой ночи.

Сначала пыталась. Царапала ногтем отметки на стене, стараясь понять, сколько времени прошло. Но в подвале не было окон, а лампы никогда не выключались полностью. День и ночь слились в одно бесконечное серое пространство.

Я могла ориентироваться только по людям, которые иногда появлялись за дверью.

Иногда приходил один охранник. Иногда двое.

Они не разговаривали со мной. Один снимал кандалы, чтобы я могла сходить в туалет, и всё время держал руку на оружии. Другой приносил воду в пластиковой бутылке.

Еду оставляли на полу.

Холодную.

Несвежую.

Иногда это были остатки с чужих тарелок. Иногда кусок хлеба или несколько ложек безвкусной каши.

Я ела только потому, что тело требовало пищи.

Каждое движение причиняло боль. Запястья опухли, кожа вокруг металла покраснела. Спина ныла от каменного пола. Ноги затекали настолько сильно, что после нескольких часов неподвижности я не чувствовала ступней.

Но хуже всего был страх.

Я боялась закрыть глаза.

Стоило мне задремать, как я просыпалась от каждого шороха. Мне казалось, что Макар стоит рядом и смотрит на меня. Иногда я действительно видела его в темноте — его силуэт, неподвижный, тёмный, безмолвный.

Но когда моргала, он исчезал.
На третий день я перестала плакать.
Слёз больше не осталось.
Я сидела, прислонившись спиной к стене, и смотрела на дверь. В голове не было мыслей.
Только тупая пустота.
Я уже не думала о побеге.
Не представляла, как выберусь.
Не пыталась кричать.
Я просто ждала.
Не знала, чего именно.
Возможно, следующего наказания.
Возможно, смерти.
Возможно, момента, когда мой рассудок окончательно сломается.
Дверь открылась.
Я вздрогнула и подняла голову.
На пороге стояли две женщины.
Одна была молодой — примерно моего возраста или немного старше. У неё были карие волосы, собранные на затылке, и усталые глаза. Она держала поднос обеими руками.
Рядом с ней стояла пожилая женщина. Её лицо было испуганным, а пальцы заметно дрожали.
Они обе посмотрели на меня.
Потом — на помещение.
Потом снова на меня.
Их лица изменились. Молодая женщина побледнела, а пожилая опустила взгляд.
— Ты в порядке? — спросила старшая на английском.
Я нахмурилась.
Английский.
Почему она говорит на английском?
В каком городе я нахожусь? В какой стране? Сколько километров между мной и домом?
— Как видите, нет, — ответила я на том же языке.
Голос прозвучал хрипло и почти безжизненно.
Молодая женщина поставила поднос на небольшой столик возле стены.
— Нам очень жаль, — сказала она, стараясь не смотреть на цепи. — Мы ничего не можем сделать.
Её голос дрожал, но она пыталась держаться.
— Тогда зачем вы пришли?
— Мы принесли тебе еду.
— Мне не нужна еда.
— Ты должна поесть.
— Я должна выйти отсюда.
После этих слов обе женщины замолчали.
Пожилая посмотрела на дверь, словно боялась, что Макар может услышать даже самый тихий разговор.
— Если Макар что-то решил, — произнесла она наконец, — никто не может его послушаться.
Она говорила тихо, почти шёпотом.
— Вы боитесь его?
Молодая женщина сжала губы.
— Все его боятся.

Я посмотрела на неё внимательнее.

Она была слишком молода для такого взгляда. В её глазах не осталось ни любопытства, ни живости — только привычный страх человека, который давно понял: сопротивление здесь не спасает.

— Как тебя зовут? — спросила я.

Девушка помедлила.

— Фиона.

Пожилая женщина осторожно поставила рядом с подносом стакан воды.

— А меня Мелоди, — представилась она.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла слабой и печальной.

— Стефани, — сказала я.

— Мы знаем, — ответила Мелоди.

У меня внутри всё похолодело.

— Откуда?

Мелоди отвела взгляд.

— Макар говорил о тебе.

— Что именно?

Фиона перехватила её взгляд.

— Не спрашивай, — тихо сказала она.

— помогите мне....

Фиона посмотрела на дверь.

— Если мы попробуем, он узнает.

— А если ничего не сделаете, он всё равно может убить меня.

— Знаем, — прошептала Мелоди.

Пожилая женщина подошла ближе и присела рядом со мной. Я инстинктивно отодвинулась, насколько позволяла цепь.

— Не бойся меня, — сказала она мягко.

— Я боюсь всех.

— Это место ломает людей.

Мелоди говорила, не поднимая голоса, словно рассказывала о том, что видела слишком много раз.

— Макар всегда был таким? — спросила я.

Женщина замолчала.

Фиона резко повернула голову к ней.

— Не говори о нём.

— Почему?

— Потому что он слышит даже тогда, когда его нет рядом.

Я посмотрела на потолок.

— Это невозможно.

— Здесь возможно всё, — ответила Фиона.

За дверью раздался далёкий звук.

Обе женщины вздрогнули.

На несколько секунд в подвале стало тихо.

— Он пришёл? — спросила я.

— Нет, — быстро ответила Фиона, но голос выдал её.

Она поставила поднос мне на колени.

На нём лежали хлеб, рис, мясо и овощи. Простая еда, но после трёх дней голода она казалась почти невероятной.

— Поешь, — сказала Фиона.

— Я не могу.

— Можешь.

— Здесь всё пахнет им.

Я сама не поняла, что именно имела в виду. Стенами? Подвалом? Страхом? Каждая вещь вокруг напоминала о Макаре, даже если он не находился рядом.

Мелоди встала.

— Мы должны уйти.

— Подождите.

Обе женщины посмотрели на меня.

— Вы можете принести мне телефон?

Фиона сразу покачала головой.

— Нет.

— Хотя бы записку. Передайте кому-нибудь.

— Здесь никто не поможет.

— Тогда кому-то за пределами этого дома.

— Охрана проверяет всё.

— Вы можете попробовать.

Фиона сжала пальцы.

В её глазах мелькнуло сомнение.

— Если мы найдём возможность...

— Вы найдёте, — перебила я. — Пожалуйста.

Мелоди положила руку ей на плечо.

— Нам нужно идти.

— Постойте, — повторила я.

Мелоди посмотрела на меня с такой жалостью, что мне стало ещё страшнее.

— Не теряй надежду, — сказала она.

Я усмехнулась.

— Вы сами в неё не верите.

Женщина не ответила.

Они вышли, и дверь снова закрылась.

Я осталась одна.

Несколько минут я просто смотрела на еду.

Потом взяла кусок лаваша.

Пальцы дрожали. Я поднесла его ко рту и откусила совсем немного.

Вкус был обычным.

Но слёзы всё равно потекли.

Они падали на хлеб, смешивались с едой, и каждый кусок становился солёным. Я пыталась жевать, однако горло сжималось.

Я не могла заставить себя проглотить.

В конце концов я поставила поднос на пол и подтянула колени к груди.

Мне хотелось исчезнуть.

Стать невидимой.

Проснуться в своей комнате, в своей постели, услышать голос Айлы и понять, что всё это было кошмаром.

Я закрыла глаза.

В коридоре раздались шаги.

Я сразу открыла их.

Шаги приближались.

Медленные.

Тяжёлые.

Несколько голосов звучали приглушённо. Затем кто-то ударился о дверь. Раздался стон.

Я прижалась к стене.

Замок повернулся.

Дверь распахнулась.

В подвал ворвались два охранника. Между ними находился мужчина. Его руки были связаны за спиной, одежда порвана, лицо опухло от ударов.

Он едва держался на ногах.

Один из охранников толкнул его вперёд. Мужчина упал на колени.

Следом вошёл Макар.

Он выглядел безупречно.

Чистая рубашка. Тёмные брюки. Спокойное лицо. Ни единого признака спешки или усталости.

Только тонкая царапина у виска напоминала о камне, который я бросила в него в лесу.

Макар посмотрел сначала на мужчину, потом на меня.

В его взгляде появилась тень улыбки.

— Как ты себя чувствуешь, *искорка*? — спросил он.

Я молчала.

Он медленно прошёл по комнате, не отводя от меня глаз.

— Три дня без моего общества, — продолжил Макар. — Наверное, успела соскучиться.

— Я надеялась, что ты никогда не придёшь, — ответила я, стараясь говорить твёрдо.

Голос всё равно дрогнул.

Макар остановился.

— А я думал о тебе.

— Лжёшь.

Он коротко усмехнулся.

— Ты всё ещё пытаешься казаться смелой.

— Я не боюсь тебя.

Макар посмотрел на мои руки.

— Боишься.

— Нет.

— Ты не спала три дня, — спокойно сказал он. — Дёргаешься от каждого звука. Тебя трясёт, когда открывается дверь. Ты боишься меня настолько, что уже не замечаешь собственного страха.

Он перечислял факты без злости.

И от этого мои руки задрожали сильнее.

Макар перевёл взгляд на пленника.

— Он тоже говорил, что меня не боится.

Мужчина тяжело поднял голову.

— Я сказал правду.

Его голос был слабым, но в нём ещё оставалось сопротивление.

Макар подошёл к нему и присел на корточки.

— Правду? — переспросил он почти ласково.

— Я ничего не знаю.

— Ты знал достаточно, чтобы солгать мне.

— Я не лгал.

Макар провёл пальцами по рукояти ножа на поясе.

Движение было медленным, почти ленивым.

— Все говорят, что не лгут, — произнёс он. — До тех пор, пока не понимают, что их слова больше никого не спасут.

Пленник посмотрел на меня.

— Помогите...

Один из охранников ударил его в плечо.

Я вжалась в стену.

— Не трогайте его! — закричала я.

Макар поднял голову.

— Тебя никто не спрашивал.

— Оставь его!

— Ты переживаешь за него?

— Он уже избит!

— Значит, силы говорить у него ещё есть.

Макар поднялся.

Охранники удерживали мужчину с обеих сторон.

— Ты утверждал, что не знаешь, кто отправил тебя убить меня, — произнёс Макар. — Но твои люди видели, как ты передавал информацию.

— Это неправда.

— Ты снова врёшь.

— Я не знаю, о чём ты говоришь!

Макар склонил голову набок.

— Тогда тебе будет трудно объяснить, почему твой телефон оказался у моих людей.

Мужчина замолчал.

В подвале повисла тяжёлая тишина.

— Я не хотел... — прошептал он.

— Не хотел чего?

— Я боялся.

Макар достал нож.

Я закрыла рот ладонью.

— Нет... — прошептала я.

Он даже не посмотрел в мою сторону.

— Макар, пожалуйста, — сказала я громче. — Остановись.

Он медленно повернул голову.

— Ты решила снова давать мне приказы?

— Я прошу тебя.

— Просьбы ничего не меняют.

Мужчина начал дёргаться.

— Я скажу всё! — выкрикнул он. — Скажу, только уберите нож!

Макар посмотрел на него.

Его лицо оставалось неподвижным.

— Теперь уже поздно.

Он произнёс эти слова тем же тоном, каким говорил со мной три дня назад.

Спокойно.

Без колебаний.

Без малейшего намёка на сомнение.

Я отвернулась, но всё равно слышала происходящее. Короткий крик. Глухой удар. Резкое движение охранников. Затем — оглушительный выстрел.

Звук разорвал подвал.

Я вскрикнула и закрыла голову руками.

Несколько секунд после выстрела всё вокруг звенело.

Потом наступила тишина.

Я медленно открыла глаза.

Мужчина больше не двигался.

Макар стоял рядом с ним, держа оружие опущенным вдоль тела. Его лицо было совершенно спокойным.

Словно ничего не произошло.

Словно перед ним не лежал человек.

Словно смерть была обычной частью его распорядка.

Я почувствовала, как к ногам подбирается тёплая жидкость.

Меня затошнило.

Я вжалась в стену и подтянула ноги, насколько позволяла цепь.

— Нет... — прошептала я. — Нет, пожалуйста...

Макар посмотрел на меня.

— Ты хотела, чтобы я остановился.

Я не могла ответить.

— Теперь смотри, — сказал он.

Я замотала головой.

— Я не буду.

— Будешь.

— Пожалуйста, убери его отсюда.

— Почему? Ты же хотела, чтобы он остался жив.

— Мне плохо.

— Это не ответ.

— Я не могу...

— Можешь.

Он сделал шаг ко мне.

Я попыталась отодвинуться, но за спиной была стена.

— Ты должна понимать, — продолжил Макар, — что происходит с теми, кто решает солгать мне.

Я отвернулась, но не успела закрыть глаза. Образ мужчины, падающего на колени, уже отпечатался в памяти. Я знала, что никогда не забуду его взгляд.

Охранники вышли.

Дверь осталась открытой.

Макар задержался в подвале.

— Ты будешь продолжать сопротивляться? — спросил он.

Я не ответила.

— Стефани.

Я смотрела в пол.

— Посмотри на меня.

Я не двигалась.

Он подошёл к цепи и сжал металлическое звено.

— Ты слышишь меня?

Голос Макара разрезал тишину, тяжёлую и вязкую, как дым. Он не повысил тона, но от этого его слова прозвучали ещё страшнее. В подвале было душно, хотя от голых стен тянуло холодом. Где-то под потолком монотонно гудела лампа, временами вспыхивая неровным, болезненно-белым светом.

Я медленно подняла взгляд.

Шея затекла от долгого неподвижного положения, а металлическое кольцо на запястье неприятно впилося в кожу. Перед глазами всё ещё плыло, но я заставила себя сфокусироваться на его лице. Макар стоял напротив, почти неподвижный, с опущенными вдоль тела руками. Его высокая фигура заслоняла часть света, и лицо казалось высеченным из тени.

— Да, — ответила я.

Собственный голос показался мне чужим. Хриплым, слабым, почти неслышным. Я сглотнула, стараясь не показать, насколько пересохло в горле.

Макар слегка наклонил голову, словно проверял, действительно ли услышал меня.

— Тогда ответь.

Он произнёс это спокойно, без раздражения. Именно эта спокойная уверенность пугала сильнее крика. Он не сомневался, что я заговорю. Для него вопрос был лишь формальностью, а мой выбор — иллюзией.

Я сжала пальцы, насколько позволяли цепи, и почувствовала, как ногти впились в ладонь.

— Я ничего не знаю о документах.

Слова прозвучали медленнее, чем мне хотелось. Я старалась смотреть ему прямо в глаза, хотя внутри всё сжималось от тревоги.

Взгляд Макара стал холоднее. Его лицо почти не изменилось, но в глазах исчезло даже то слабое подобие интереса, которое было там прежде. Теперь в них отражалась только ровная, безжалостная оценка.

— Я дам тебе ещё время.

Он сделал шаг в сторону, медленно обошёл меня и остановился за плечом. Я услышала шорох его одежды и почувствовала, как всё тело напряглось. Его близость давила сильнее цепей.

— Чтобы убить ещё кого-нибудь? — спросила я.

Вопрос вырвался прежде, чем я успела его остановить. В памяти вспыхнуло лицо человека, лежавшего на полу несколько минут назад. Я снова услышала глухой звук падения, увидела тёмное пятно на бетоне и выражение безразличия на лицах его людей.

Макар остановился.

— Чтобы ты подумала.

Он сказал это так, будто речь шла о чём-то совершенно обыденном. Будто он не запугивал меня и не удерживал в запертой комнате, а просто предлагал спокойно принять разумное решение.

Я усмехнулась, но в этой усмешке не было ни веселья, ни уверенности.

— Я уже подумала.

Макар медленно вернулся в поле моего зрения. Его глаза скользнули по моему лицу, задержались на губах, затем снова поднялись к глазам.

— Нет. Ты пока только боишься.

От этих слов я почувствовала, как внутри поднимается злость. Она была слабой, перемешанной с усталостью и ужасом, но всё же настоящей. Я не хотела, чтобы он видел во мне только испуганную пленницу.

— А что мне ещё делать?

Я постаралась сказать это резко, но голос дрогнул. Макар заметил. Конечно, заметил. Он замечал каждую мелочь — движение пальцев, паузу между словами, изменение дыхания.

На его губах появилась едва заметная тень улыбки.

— Слушаться.

Это слово повисло между нами, словно приговор. Он произнёс его негромко, но в нём звучала такая уверенность, будто подчинение было естественным законом, которому невозможно сопротивляться.

Я подняла подбородок, хотя от резкого движения цепь снова натянулась и болезненно сдавила кожу.

— Никогда.

После моего ответа в комнате стало ещё тише. Лампа над головой коротко мигнула. За дверью что-то глухо ударилось о стену, но никто не вошёл.

Макар несколько секунд рассматривал меня.

Он не выглядел разгневанным. Не сжал кулаки, не повысил голос, не сделал резкого движения. Именно это спокойствие заставляло меня нервничать. Гнев можно было понять. Гнев выдавал намерение. А в его молчании не было ничего, за что можно было бы зацепиться.

В его глазах появилось странное любопытство. Он смотрел на меня так, словно впервые заметил не просто пленницу, а какую-то загадку, которую ему захотелось разобрать по частям.

— Ненависть делает тебя живой, — произнёс он.

Его голос стал тише. Грубый, низкий, с хрипотцой, он почти ласково прокатился по комнате, от чего по спине пробежал холод.

— Поэтому я пока не стану её отнимать.

Я почувствовала, как леденеют пальцы. В груди стало тесно, дыхание сбилось. Я не сразу поняла, что именно он имел в виду, но от этого его слова не стали менее страшными.

— О чём ты говоришь?

Я попыталась произнести вопрос твёрдо, однако голос предательски ослаб. Макар услышал это и чуть прищурился.

— Ты поймёшь.

Он наклонился ко мне. Между нами осталось всего несколько сантиметров. Я почувствовала запах табака, металла и чего-то горького, въевшегося в его одежду. От его близости хотелось отстраниться, но цепи не позволяли сделать даже шаг назад.

Его лицо оказалось слишком близко. Я видела тонкую линию шрама на брови, тень щетины на скулах и неподвижный взгляд, в котором не было ни капли сомнения.

— Когда ты перестанешь сопротивляться, мне станет скучно.

Он произнёс это почти буднично, словно говорил не о моей жизни, а о предмете, который мог наскучить ему в любой момент.

У меня пересохло во рту. Внутри поднималась паника, но поверх неё постепенно проступало отчаяние. Мне хотелось, чтобы всё закончилось — неважно как.

— Тогда убей меня.

Слова прозвучали тихо.

Я сама не ожидала, что произнесу их. Они сорвались с губ прежде, чем я успела подумать о последствиях. В комнате повисла тишина, и теперь я слышала только собственное тяжёлое дыхание.

Макар замолчал.

Он выпрямился, но не отошёл. Несколько секунд просто смотрел на меня, будто пытался понять, были ли мои слова настоящими или я хотела спровоцировать его.

Я не выдержала его взгляда и опустила глаза.

— Ты не хочешь умереть, — сказал он.

В его голосе не было вопроса. Он говорил так, будто знал меня лучше, чем я сама.

— Хочу.

Я сжала челюсти, заставляя себя не отступать.

— Нет.

— Хочу.

На этот раз я произнесла это громче. В голосе появилась хриплая злость. Мне хотелось разрушить его спокойствие хотя бы словами, заставить его почувствовать хоть что-то, кроме превосходства.

Макар не изменился в лице.

— Ты хочешь, чтобы боль закончилась. Это не то же самое.

Его слова попали точно в цель. Я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Отвернулась, чтобы он не увидел, насколько сильно меня задело сказанное.

На бетонном полу лежала тонкая полоса света. Я устояла на ней, цепляясь за неё взглядом, как за единственное, что не имело отношения к Макару.

Он протянул руку.

Его пальцы коснулись моего подбородка. Кожа мгновенно покрылась мурашками. Я дернулась, но он удержал меня без видимого усилия и заставил снова посмотреть на него.

— Не прикасайся ко мне.

Я попыталась оттолкнуть его руку, но сил почти не осталось. Пальцы дрожали, дыхание стало рваным.

Макар чуть склонился, внимательно наблюдая за моей реакцией.

— Ты всё ещё думаешь, что можешь мне что-то запрещать?

В его тоне прозвучала насмешка. Не громкая, почти незаметная, но от неё стало ещё больнее. Он словно специально напоминал мне о положении, в котором я оказалась.

Я не отвела взгляда.

— Я могу хотя бы говорить.

Несколько мгновений он молчал. Его пальцы всё ещё удерживали мой подбородок, но хватка стала чуть слабее.

— Говори.

— Ненавижу тебя.

Слова вырвались резко. В них было всё, что я не могла сказать раньше: страх, боль, отворачивание, бессилие и ярость. Я хотела, чтобы он увидел во мне не сломанную жертву, а человека, который всё ещё способен ненавидеть.

Макар медленно убрал руку.

— Это я уже знаю.

Он произнёс это безразлично, словно моя ненависть не причиняла ему вреда и не имела никакой ценности. Словно она была всего лишь ожидаемой реакцией, которую он давно просчитал.

Макар развернулся и направился к двери.

Я следила за каждым его шагом. Он двигался уверенно, не торопясь, будто комната принадлежала ему так же, как и всё, что находилось за её стенами.

— Постой, — выдохнула я.

Он остановился, но не обернулся.

Я сама не знала, зачем окликнула его. Хотела ли задать вопрос? Попросить воды? Узнать, сколько времени прошло? Или просто не хотела снова остаться одна?

Макар повернул голову через плечо.

Я не нашла слов.

Он задержал на мне взгляд, затем открыл дверь и вышел.

Дверь закрылась с тяжёлым глухим звуком.

Почти сразу я снова услышала щелчок замка.

Этот звук отозвался внутри короткой вспышкой паники. Я устояла на двери, будто могла силой взгляда заставить её открыться. Но за ней уже исчезли шаги Макара, а вместе с ними — ощущение его присутствия.

И всё же тишина теперь была другой.

В ней будто осталось его дыхание, его голос, его холодные пальцы на моём подбородке. Казалось, что он всё ещё стоит рядом, наблюдает за мной из темноты и ждёт, когда я окончательно сломаюсь.

Я сидела неподвижно, пока звуки шагов не растворились в коридоре.

Я не знала, сколько ещё продержусь.

Не знала, придёт ли кто-нибудь за мной.

Не знала, есть ли вообще шанс выбраться.

Но где-то глубоко внутри, под страхом и усталостью, всё ещё оставалась маленькая частица сопротивления.

Макар хотел, чтобы я сломалась.

Хотел, чтобы я поверила: выхода нет.

Хотел, чтобы я перестала быть собой.

Я прижала ладонь к холодному металлу кандала.

Если Макар действительно считал себя хозяином этого ада, однажды ему придётся понять: даже запертый человек может ждать подходящего момента.

Я подняла голову и посмотрела на дверь.

— *Я не ломаюсь*, — прошептала я.

Глава 5

Глава 5

Я сидел в кабинете, медленно вращая стакан в пальцах, и смотрел на окно.

За стеклом лежала ночь — густая, холодная, без единого проблеска света. Дождь стекал по поверхности длинными кривыми линиями, размывая очертания сада и высоких каменных стен. Вдалеке мерцали фонари, но их свет казался мёртвым. Таким же мёртвым, как всё внутри меня.

Я сделал глоток.

Алкоголь обжёг горло, но не принёс облегчения. В последнее время ничто не приносило облегчения.

Чёрт.

Впервые за много лет я не понимал, что делать.

Меня раздражала сама эта мысль. Я всегда знал, что делать. Убрать препятствие. Сломать сопротивление. Заставить человека говорить. Если он не говорил — заставить его замолчать навсегда. Всё было просто. Жизнь давно перестала быть чем-то сложным. Она состояла из решений, которые принимались быстро и без сожалений.

Но Стефани разрушала эту привычную схему.

Она была похожа на наркотик, который я однажды впустил в кровь, а теперь не мог вывести. Я ненавидел её за это. Ненавидел за каждый взгляд, за каждую попытку сопротивляться, за то, что она продолжала дышать и смотреть на меня так, будто во мне ещё оставалось что-то человеческое.

Несколько дней она просила Мелоди помочь ей.

Я запретил Мелоди даже приближаться к ней без моего разрешения.

Стефани знала правила. Она знала, что всякий, кто ослушается меня, пожалеет об этом. Мне не нужно было повторять угрозы. В этом доме достаточно было одного моего взгляда, чтобы люди начинали молчать.

Я сжал стакан сильнее.

Стекло жалобно хрустнуло под пальцами.

Перед глазами вспыхнула старая картина.

Пятнадцать лет назад.

Мне был двадцать один год.

Я до сих пор помнил тот день слишком хорошо. Память сохранила каждую деталь: запах сырой земли, металлический привкус крови на языке, крик моего друга, его руку, вцепившуюся мне в плечо, и лицо Николаса Вальери.

Николас стоял напротив меня, тяжело дыша. Он уже понимал, что не выйдет оттуда живым. Но всё равно не отступал. В его глазах не было мольбы. Только ярость и усталость человека, который до последнего защищает тех, кто ему дорог.

Он сделал выбор за меня.

И я сделал свой.

Мне пришлось выбрать: убить его или позволить умереть собственному другу.

Я выбрал друга.

Нет.

Я выбрал себя.

Так было честнее.

Я убил Николаса безжалостно. Не потому, что хотел этого. Не потому, что испытывал к нему особую ненависть. Просто в тот момент его жизнь оказалась дешевле жизни моего человека.

Так работал мой мир.

Так работал я.

С тех пор люди называли это необходимостью, долгом, жестоким решением. Я называл это правдой. В нужный момент сильный убивает первым. Всё остальное — красивые слова для тех, кто боится признать собственную сущность.

Иногда мне казалось, что именно это удержало мою руку. Не жалость. Не раскаяние. Я не умел жалеть. Скорее, странное ощущение завершённости. Я уже разрушил её жизнь. Уже забрал у неё человека, который должен был быть рядом.

Но теперь она была здесь.

В моём доме.

В моём подвале.

И почему-то это оказалось хуже, чем убить её сразу.

Я поднял взгляд на экран монитора.

Скрытые камеры показывали подвал с разных углов. Стефани сидела у стены, скованная цепями. Её тело заметно ослабло за последние дни. Лицо стало почти прозрачным, губы пересохла, волосы спутались и прилипли к вискам.

Она тяжело дышала.

Я видел, как она пытается выпрямиться, но кандалы не позволяли ей опереться на стену. Металл впивался в запястья и лодыжки. Она едва заметно дёрнула рукой, словно хотела проверить, не ослабли ли цепи.

Бесполезно.

Я лично приказал проверить каждый замок.

— Не пытайся, — пробормотал я, обращаясь к экрану, хотя она не могла меня услышать. — Ты всё равно никуда не денешься.

Она словно почувствовала мой взгляд.

Стефани подняла голову.

Её зелёно-карие глаза мутно отразились на экране. В них смешивались усталость, страх и ненависть.

Я ненавидел эти глаза.

Ненавидел настолько, что иногда хотел вырвать из них самую способность смотреть. Но вместо этого продолжал наблюдать.

Она едва слышно хмыкнула и закрыла глаза.

Внутри меня что-то дёрнулось.

— Не смей отключаться, — сказал я уже громче.

Стефани не ответила.

Её плечи дрогнули.

А потом тело обмякло.

Стакан выскользнул из моей руки и разбился о пол.

На несколько секунд я просто смотрел на экран.

Мозг отказывался принимать увиденное.

Потом во мне что-то сорвалось.

— Чёрт!

Я вскочил так резко, что кресло отлетело к стене. Стены кабинета задрожали от грохота. Я выбежал в коридор, не закрыв за собой дверь.

Охранники расступались передо мной.

Никто не пытался спросить, что случилось. Они видели моё лицо и понимали: сейчас любой лишний звук может стать последним.

Я спустился в подвал почти бегом.

Дверь распахнулась от удара.

Внутри было душно. Воздух стоял тяжёлый, затхлый, пропитанный запахом сырости, железа и чего-то кислого. Свет под потолком мерцал, раздражая глаза.

Стефани лежала на боку.

Её руки всё ещё были скованы. Голова безвольно запрокинулась, волосы закрывали часть лица.

— Стефани!

Я опустил рядом и схватил её за плечо.

Её кожа оказалась холодной.

Я тряхнул её сильнее.

— Стефани, открой глаза!

Она не отвечала.

Её лицо было бледным, почти серым. На губах не осталось цвета. Рядом с ней виднелись следы рвоты, и этот запах мгновенно ударил мне в нос.

Я отшатнулся, сжав челюсть.

Внутри поднялась ярость.

Не страх.

Я не боялся.

Я просто ненавидел происходящее.

Ненавидел её слабость. Ненавидел собственную реакцию. Ненавидел то, что моё сердце вдруг начало биться быстрее.

Стефани не имела права умирать без моего разрешения.

Только я решал, когда человек должен умереть.

Я достал телефон и набрал Мирона.

— Привези врача, — процедил я, прижав телефон к уху. — Немедленно.

— Что случилось? — спросил МIRON осторожно.

Я посмотрел на неподвижное тело Стефани.

— Если через десять минут его здесь не будет, я найду другого человека, на котором сорву злость.

— Понял.

Я сбросил вызов.

Стефани тихо застонала.

Я снова наклонился к ней.

— Эй. Слышишь меня?

Её ресницы дрогнули, но глаза не открылись.

— Не смей умирать, — прошептал я. — Я ещё не закончил с тобой.

Слова прозвучали жестоко, но я не умел говорить иначе. Любая забота в моём исполнении превращалась в угрозу. Любая тревога — в приказ. Любое чувство — в желание причинить боль тому, кто его вызвал.

Я провёл рукой по волосам и поднялся.

Десять минут тянулись слишком долго.

Я ходил по подвалу из стороны в сторону. Каждый шаг отдавался глухим стуком по каменному полу. Охранники стояли у стены и не поднимали глаз.

— Почему она так долго была без помощи? — спросил я.

Никто не ответил.

Я резко повернулся.

— Я задал вопрос.

Один из мужчин сглотнул.

— Мы думали, что вы приказали не вмешиваться.

Я подошёл к нему.

— Я приказал не вмешиваться. Не приказал дать ей умереть.

Мужчина побледнел.

Я схватил его за воротник и прижал к стене.

— В следующий раз, когда не поймёшь разницу, я помогу тебе понять.

— Макар, — тихо произнёс Мирон, появляясь у двери. — Врач приехал.

Я отпустил охранника.

Он сполз по стене, хватая воздух.

В подвал вошёл врач с чемоданом. Он выглядел напряжённым, но старался сохранять спокойствие. Поставив сумку рядом со Стефани, он проверил её пульс, дыхание и реакцию зрачков.

Я стоял над ним.

— Ну? — спросил я.

— Дайте мне работать, — ответил врач, не поднимая головы.

От его спокойного тона у меня свело пальцы.

Люди не имели права разговаривать со мной так, будто мы были равны.

Я сделал шаг вперёд, но Мирон едва заметно покачал головой.

Я остановился.

Не из-за врача.

Из-за Стефани.

Через несколько минут врач выпрямился.

— Она слишком ослабла, — сказал он, снимая перчатки. — Организм больше не справляется с постоянной рвотой. У неё сильное обезвоживание. Ей не хватает жидкости, сил и воздуха.

— Она выживет? — спросил я.

Врач посмотрел на меня.

— Если вы продолжите держать её в таких условиях, она может умереть.

Слово «умереть» повисло в воздухе.

Я почувствовал, как кровь ударила в виски.

— Следи за словами.

— Я говорю то, что вижу, — ответил он. — Здесь душно, сыро и практически нет нормальной вентиляции. Её нужно перенести в прохладное помещение, дать воду маленькими порциями и поставить капельницу.

— Она останется здесь.

— Тогда её состояние будет ухудшаться.

Я медленно сжал кулак.

Врач даже не подозревал, как близко находился к собственной смерти. Я мог одним движением стереть спокойствие с его лица. Мог заставить его запомнить каждую секунду разговора со мной.

Но Стефани снова застонала.

Едва слышно.

Почти беззвучно.

И я промолчал.

Именно в этот момент дверь подвала распахнулась.

На пороге стоял Джон Митчел — мой самый верный и близкий друг. Он был одним из немногих людей, которым я позволял находиться рядом, когда терял контроль.

За ним вошла Беллами.

Моя первая мысль была простой: зачем он привёл её сюда?

Вторая была ещё проще: я хотел, чтобы она немедленно исчезла.

Беллами сделала несколько шагов внутрь и увидела Стефани.

Её лицо изменилось. Кожа стала бледной, глаза расширились. Она прижала ладонь ко рту, пытаясь сдержать вскрик.

Джон сразу положил руку ей на плечо.

— Уведи её, — приказал я, поворачиваясь к нему. Голос прозвучал низко и жёстко. — Немедленно.

Джон кивнул и попытался вывести жену.

Но Беллами резко вырвалась.

— Нет! — закричала она, глядя на меня. — Что вы делаете с этой девушкой?

Её голос ударил по нервам.

Я медленно повернулся.

Внутри меня раскрылась знакомая пустота — та самая, которая появлялась перед вспышкой насилия.

— Только потому, что ты жена моего друга, я пока ничего не сделал, — сказал я, приближаясь к ней. — Но, если продолжишь кричать, твой статус перестанет тебя защищать.

— Макар, — предупреждающе произнёс Джон.

Я бросил на него взгляд.

— Молчи.

Беллами не отступила. Страх был замечен в её глазах, но она всё равно смотрела на Стефани.

Она осторожно убрала руку Джона и опустилась рядом с девушкой на корточки. Увидев кровь на полу и неподвижное тело, она вздрогнула.

— Её нужно вынести отсюда, — сказала Беллами уже тише, но твёрдо.

— Нет, — ответил я сразу.

— Здесь ей плохо.

— Я сказал, что нет.

— Она может умереть.

Я резко наклонился к ней.

— А тебя это каким образом касается?

Беллами перевела взгляд на меня. Её дыхание стало неровным, но она не отвернулась.

— Ты... — Она запнулась, и голос задрожал. — Ты сделал ей что-то?

Моя ярость вспыхнула мгновенно.

— Нет.

— Тогда почему она здесь?

— Не твоё дело.

— Она выглядит так, будто её пытали.

— Я сказал, что не трогал её в этом смысле!

Слова вырвались слишком громко. Голос ударился о стены подвала и вернулся ко мне эхом.

Врач замер.

Мирон опустил взгляд.

Джон побледнел.

Я ненавидел их реакцию. Ненавидел то, что теперь они смотрели на меня не как на человека, который контролирует ситуацию, а как на зверя, загнанного в клетку.

— Я убийца, — процедил я. — Но не насильник. Не путай эти вещи.

Беллами посмотрела на меня с ужасом.

— Для тебя это должно что-то значить?

Я сделал шаг к ней.

Джон мгновенно встал, между нами.

— Макар, успокойся.

Я усмехнулся.

— Успокоиться?

Внутри меня уже не осталось ничего похожего на спокойствие.

Я хотел ударить его. Хотел разбить что-нибудь. Хотел заставить Беллами замолчать. Хотел вернуть под контроль воздух, людей, собственные мысли.

Но больше всего я хотел, чтобы Стефани открыла глаза.

Эта мысль была настолько чужой, что мне стало противно.

— Джон, убери свою жену, — сказал я сквозь зубы. — Пока я не приказал охране сделать это за тебя.

— Пошли, Беллами, — произнёс Джон, мягко взяв её за руку.

— Нет! — Она отдернула руку. — Ты хочешь сделать вид, что ничего не происходит?

— Принцесса, это не наша война.

— Как не наша? — выкрикнула она. — Здесь лежит девушка рядом с трупами и кровью! Что она такого сделала, чтобы ты запер её в этом месте?

Я резко развернулся.

— Тебя не должно волновать, за что я оставил её здесь.

— Но она умирает!

— Я сказал, что решу сам!

Мой кулак ударил по металлическому столу.

Инструменты подпрыгнули и с грохотом посыпались на пол. Один из них отлетел в сторону и ударился о стену. Врач вздрогнул. Беллами отступила, а Джон крепче сжал её плечо.

Я тяжело дышал.

Пальцы болели, но боль была приятной. Она напоминала, что я всё ещё могу чувствовать хоть что-то.

Врач медленно поднялся.

— Беллами права, — сказал он.

Я повернул к нему голову.

— Что ты сказал?

— Если она останется здесь, она может не пережить ночь.

Внутри меня наступила тишина.

Потом ярость взорвалась снова.

— Ты предлагаешь мне оставить её в гостевой комнате?

— Я предлагаю перенести её туда, где есть воздух и возможность оказать помощь.

— Ты предлагаешь мне позволить ей свободно ходить по дому?

— Она без сознания. Ей не до побега.

— А если придёт в себя?

— Тогда вы сможете поставить охрану.

Я рассмеялся.

Смех вышел сухим, лишённым веселья.

— Как удобно. Все вдруг решили, что знают, что мне делать.

Я посмотрел на Стефани.

Она лежала неподвижно, слишком тихо для живого человека.

Её грудь едва заметно поднималась.

Я мог бы сказать себе, что Стефани была просто заложницей. Проблемой. Источником информации.

Но передо мной лежала не проблема.

Передо мной лежал человек, которого я довёл до грани.

И впервые за пятнадцать лет я увидел в этом не необходимость, а собственный выбор.

Я приказал заковать её.

Я приказал не помогать.

Я позволил своей злости решить, сколько боли она выдержит.

И теперь её тело перестало подчиняться даже мне.

— Макар, — тихо сказал Майкл. — Нужно решить сейчас.

Я медленно поднял взгляд.

Майкл смотрел спокойно, но я видел напряжение в его лице. Он тоже боялся. Все боялись. Только Стефани больше не могла бояться — она даже не слышала нас.

— Подготовить комнату для гостей, — приказал я.

Беллами замерла.

Врач облегчённо выдохнул.

Я сразу направил на него палец.

— Но цепи не снимать.

— Ей нельзя оставаться скованной в таком состоянии, — возразил врач.

Мой взгляд стал холодным.

— Я сказал: цепи не снимать.

— Они мешают кровообращению.

— Тогда следи за ней внимательнее.

Врач сжал губы, но промолчал.

Я подошёл к Стефани и присел рядом.

На её запястьях темнели следы от металла. Некоторые участки кожи были содраны. Я провёл большим пальцем по воздуху рядом с одной из ранок, не касаясь её.

Почему я вообще это заметил?

Почему меня раздражало, что цепи оставили следы?

Я мог приказать снять их.

Мог сделать это прямо сейчас.

Но тогда она стала бы свободнее. Слабее, но свободнее. А я не привык отдавать людям даже иллюзию выбора.

— Перенесите её, — сказал я.

Охранники подошли и подняли Стефани. Её голова безвольно склонилась к плечу, волосы упали на лицо.

Я отодвинул их в сторону.

Джон всё ещё стоял у двери. Беллами смотрела на меня так, будто впервые увидел настоящего Макара.

Не мужчину, который умеет отдавать приказы.

Не человека, которого боялись подчинённые.

А того, кто прятал страх за яростью.
Я заметил её взгляд.
— Не смотри на меня так, — сказал я.
— Как?
— Будто уже вынесла мне приговор.
Беллами побледнела ещё сильнее.
— Тебе не нужен мой приговор. Ты сам давно себя осудил.
Я почувствовал, как мышцы на лице напряглись.
Джон закрыл глаза.
— Беллами...
Но она продолжила:
— Ты думаешь, если будешь кричать, угрожать и ломать всё вокруг, то перестанешь быть виноватым? Не перестанешь. Ты просто каждый раз доказываешь, что внутри тебя ничего не осталось.
Мои пальцы дрогнули.
Я мог ударить её.
Мог приказать Джону вывести её силой.
Мог сделать что угодно.
Охранники понесли Стефани к выходу.
Я пошёл следом.
Позади остались кровь, инструменты, труп и запах рвоты. Осталась та часть подвала, где я чувствовал себя хозяином всего происходящего.
Но вместе со Стефани из этого места будто уходил и мой контроль.
Я понимал: стоило мне вывести её наверх, и правила изменятся.
Она окажется ближе.
Станет видимой не только мне.
Кто-то может попытаться пожалеть её.
А жалость была опаснее ненависти.
Ненависть держала людей на расстоянии.
Жалость заставляла приближаться.
Я остановился на лестнице и посмотрел вниз.
Беллами стояла рядом с Джоном. В её глазах всё ещё был страх, но теперь к нему при-
мешивалось что-то ещё — презрение.
Я привык к страху.
Презрение было хуже.
— Джон, — произнёс я.
Он поднял голову.
— Да?
— Уведи её.
— Сейчас.
— И больше не приводи сюда без моего разрешения.
— Понял.
Беллами посмотрела на меня.
— Я всё равно узнаю, кто она.
Я усмехнулся.
— Она никто.
Слова прозвучали слишком быстро.
Слишком резко.
Беллами заметила.

Конечно, заметила.

Я просто смотрел на неё, пока охранники уносили Стефани дальше по коридору.

На её лице не было сознания.

Не было ненависти.

Не было этих проклятых глаз.

И всё же я продолжал видеть их перед собой.

Глаза Николаса.

Глаза дочери человека, которого я убил.

Глава 6

Глава 6.

Голова гудела так, словно внутри черепа кто-то медленно и методично бил молотком по вискам. Боль не вспыхивала — она жила во мне постоянным тупым пламенем, расплываясь от затылка к лбу и отдаваясь в глазницах.

Я попыталась вдохнуть глубже, но воздух застрял в горле. Грудь сдавило, пальцы дрогнули, а вместе с этим в памяти вспыхнули обрывки: холодный подвал, цепи, запах сырости, голос Макара, его спокойная угроза и ощущение, будто стены медленно смыкаются вокруг меня.

Я резко открыла глаза.

Потолок был незнакомым. Низким, серым, с тонкими трещинами, разбегающимися по штукатурке. В комнате царил полумрак. Сквозь плотные шторы пробивались узкие полосы дневного света, но они не делали помещение уютнее. Наоборот, казалось, будто даже солнце не решалось проникнуть сюда полностью.

Я попробовала пошевелить рукой и почувствовала неприятное натяжение.

К запястью была прикреплена капельница.

Игла неприятно тянула кожу, а прозрачная трубка уходила к пакету с лекарством, который висел на металлической стойке возле кровати. Я облизнула сухие губы и медленно повернула голову.

На тумбочке стоял стакан воды.

Одно только его присутствие показалось мне спасением.

Я потянулась к нему, но цепь на запястье звякнула. От резкого движения боль прострелила руку до локтя. Я стиснула зубы, удерживая стон, и всё же дотянулась до стакана.

Вода оказалась тёплой, но я выпила её слишком быстро. Горло болезненно сжалось, дыхание сбилось, однако я не остановилась, пока на дне не осталось ни капли.

В этот момент мой живот предательски заурчал.

Я закрыла глаза и сжала стакан обеими руками, насколько позволяла цепь.

— Прекрасно, Стефани, — прошептала я с горькой усмешкой. — Тебя похитили, держали в подвале, приковали к кровати, а теперь твоё тело решило напомнить, что ему нужна еда.

Ответом мне была тишина.

Я снова осмотрела комнату. Здесь было просторнее, чем в подвале, но от этого не становилось легче. У дальней стены стоял высокий шкаф, рядом — кресло с тёмной обивкой. На полу лежал светлый ковёр, слишком чистый для этого места. У окна виднелась тяжёлая портьера, а на стене висела картина с мрачным морским пейзажем.

Никаких решёток.

Никаких следов сырости.

Но я всё равно чувствовала себя пленницей.

Потому что цепи оставались на мне.

Дверь открылась почти бесшумно.

В комнату вошла молодая женщина с ребёнком на руках. Она двигалась осторожно, будто боялась потревожить меня. У девушки были русые волосы, собранные в небрежную косу, и тёплые карие глаза. Такие же глаза смотрели на меня с рук её матери.

Девочка казалась совсем маленькой — около двух лет. Она сонно прижималась к плечу женщины, но, заметив меня, приподняла голову.

Девушка улыбнулась мне. В её улыбке не было насмешки, любопытства или жалости. Только искренняя тревога.

— Ты проснулась, — произнесла она мягко, поправляя ребёнку платье. — Как себя чувствуешь? Голова всё ещё болит или стало немного легче?

Я хотела ответить, но голос застрял в пересохшем горле. Поэтому лишь кивнула.

Девушка сразу поняла, что мне тяжело говорить, и не стала торопить меня.

— Не напрягайся, — сказала она, осторожно присаживаясь на край кресла. — После того, что с тобой сделали, тебе нужно время. Я Беллами. Возможно, ты меня не знаешь, но я очень рада, что ты наконец очнулась.

Я снова кивнула, внимательно наблюдая за ней.

Беллами не походила на человека Макара. В ней не было холодной жестокости его людей, не было настороженного взгляда охранников. Она держала дочь бережно, постоянно поправляя ей волосы и проверяя, удобно ли той сидеть.

За Беллами вошла Фиона. В руках она несла поднос с едой: миску супа, хлеб, тарелку с фруктами и кружку чего-то горячего. Увидев, что я проснулась, она заметно расслабилась.

— Наконец-то, — выдохнула Фиона, ставя поднос на столик. — Я уже начала думать, что ты проспишь до ночи.

— Беллами помогла вытащить тебя из подвала, — объяснила она, поворачиваясь ко мне. — Если бы не она, неизвестно, сколько ещё ты провела бы там.

Я удивлённо посмотрела на Беллами.

Она смутилась и опустила взгляд.

— Я просто слышала шум, — тихо сказала Беллами. — Когда Фиона рассказала, в каком состоянии ты находишься, я не смогла остаться в стороне. Подвал был ужасным местом. Там невозможно было дышать.

Её голос дрогнул, и я впервые заметила, как сильно она сжимает край детского одеяла.

Я попыталась поднять руки, но цепи тут же натянулись. Запястья обожгло болью. На коже виднелись красные полосы и засохшие следы крови.

Мой взгляд опустился на металлические браслеты.

Я ненавидела их.

Ненавидела холодный блеск металла, тяжесть на коже и звук, который они издавали при каждом движении. Этот звон словно постоянно напоминал мне: я не свободна, я всё ещё принадлежу чужой воле.

Беллами заметила мой взгляд.

— Я пыталась снять их, — сказала она, осторожно наклонившись вперёд. — Правда пыталась. Но мне не разрешили. Макар приказал оставить цепи на тебе.

— Всё в порядке, — прошептала я, хотя внутри всё кричало об обратном. — Я привыкла. Слова прозвучали слишком спокойно.

Беллами посмотрела на меня так, будто я сказала нечто страшное.

— К такому нельзя привыкать, — ответила она, и в её голосе появилась тихая твёрдость. — Ни одна женщина не должна просыпаться в цепях и считать это нормальным.

Её слова ударили сильнее, чем я ожидала.

Я отвернулась, чтобы никто не заметил, как дрогнули мои губы. Мне не хотелось, чтобы Беллами видела мою слабость. Не хотелось, чтобы кто-нибудь понял, насколько сильно я боюсь.

Девочка на руках Беллами продолжала рассматривать меня. Её взгляд был чистым и любопытным. Она потянулась ко мне маленькой ладонью.

Беллами заметила это слишком поздно.

Кэти коснулась моих волос, а затем осторожно провела пальцами по щеке.

Я замерла.

На её лице появилась широкая улыбка, и она тихо засмеялась, будто увидела перед собой не пленницу, а обычную женщину.

— Кэти, не трогай тётю, — мягко сказала Беллами, перехватывая руку дочери. — Вдруг ей больно или она устала.

— Всё в порядке, — ответила я, впервые улыбнувшись по-настоящему. — Она ничего плохого не сделала.

Кэти снова потянулась ко мне, и я позволила ей коснуться моей щеки.

Её ладонь была тёплой.

Такой простой жест почему-то вызвал у меня желание заплакать. Я давно не чувствовала прикосновения, в котором не было угрозы, принуждения или боли.

— Она сразу к тебе потянулась, — заметила Фиона, раскладывая еду. — Кэти обычно не доверяет незнакомым людям.

— Дети чувствуют тех, кто нуждается в доброте, — тихо сказала Беллами.

Я посмотрела на неё.

— Почему ты помогаешь мне?

Беллами немного помолчала, подбирая слова.

— Потому что ты человек, Стефани. Не вещь, не заложница, не наказание для кого-то. Ты человек, которому больно. Этого достаточно, чтобы попытаться помочь.

Я сглотнула.

Фиона замерла возле подноса, явно услышав её слова, но ничего не сказала.

Беллами осторожно поправила Кэти на руках и снова посмотрела на меня.

— Ты можешь рассказать, почему оказалась в подвале? — спросила она. — Что Макар сделал с тобой? Почему он вообще приказал запереть тебя?

Внутри меня всё напряглось.

Имя Макара уже само по себе заставляло сердце биться чаще.

Я отвела взгляд и сцепила пальцы.

— Я...

Дверь за моей спиной резко открылась.

Грубый голос разрезал тишину:

— Тебе не кажется, Беллами, что ты задаёшь слишком много вопросов?

Я вздрогнула всем телом.

Макар стоял в дверях.

На нём был тёмный пиджак, идеально сидевший на широких плечах. В одной руке он держал несколько упаковок лекарств, а другой медленно прикрывал дверь. Его лицо казалось спокойным, но именно это спокойствие пугало больше всего.

В нём не было вспышки ярости, которую можно было предугадать. Макар не кричал, не размахивал руками, не повышал голоса. Он мог говорить тихо, почти вежливо, и при этом заставлять человека чувствовать себя на краю пропасти.

Его взгляд остановился на мне.

Холодный. Тяжёлый. Ненавидящий.

Я ответила ему таким же взглядом, насколько позволяли силы.

— Она только очнулась, — сказала Фиона, становясь между ним и подносом. — Ей нужен покой, а не новые угрозы.

Макар медленно повернул голову к ней.

— Я не спрашивал твоего мнения.

— Но ты должен его услышать, — возразила Фиона, не отступая. — Она ранена и едва держится в сознании.

Уголок губ Макара дёрнулся.

Это не было улыбкой. Скорее, предупреждением.

— Ты всегда была слишком смелой, Фиона, — сказал он тихо. — Иногда мне кажется, что ты забываешь, кому обязана своей жизнью.

Фиона побледнела, но взгляд не опустила.

Беллами крепче прижала Кэти к себе.

— Она не сделала ничего плохого, — сказала девушка, прикрывая ребёнка плечом. — Если ты хочешь поговорить со Стефани, мы можем уйти, но не нужно пугать Кэти.

Макар перевёл взгляд на девочку.

На несколько секунд в комнате стало так тихо, что я услышала капли из системы.

Затем он посмотрел на Беллами.

— Выйдите все, — произнёс он ровно. — Сейчас.

— Макар...

— Я сказал: выйдите.

Второй раз он произнёс это ещё тише.

Беллами не шелохнулась.

Она смотрела на него с тревогой, а затем наклонилась ко мне.

— Если тебе станет плохо, позови меня, — прошептала она. — Я буду рядом.

— Беллами, — предупредил Макар, не повышая голоса.

Она встала. Перед уходом Беллами сжала мою пальцы — осторожно, чтобы не задеть цепи.

— Ты не одна, — сказала она одними губами.

После этого Беллами вышла. Фиона задержалась у двери, бросив на Макара недовольный взгляд, но он лишь слегка качнул головой.

Она тоже ушла.

Дверь закрылась.

Я осталась с ним наедине.

Макар не спешил подходить. Он стоял посреди комнаты, перебирая в руках упаковки лекарств, словно выбирал не таблетки, а способ наказания.

— Ты выглядишь разочарованной, — произнёс он наконец.

— Я надеялась, что ты зайдёшь с *подарками*, — ответила я, стараясь говорить ровно. — Но, судя по всему, у тебя только лекарства и отвратительный характер.

Его глаза сузились.

Он медленно приблизился к кровати. Каждый шаг отдавался во мне тревогой, хотя я изо всех сил пыталась не показывать страх.

Макар сел рядом и поставил лекарства на тумбочку.

— Упрямство всё ещё при тебе, — сказал он, глядя на мои запястья. — Даже после подвала. Даже после того, как ты едва не умерла. Удивительно, сколько в тебе глупости.

— А ты удивительно много говоришь для человека, который якобы не интересуется моей жизнью.

Макар наклонился ко мне и двумя пальцами взял меня за подбородок.

Его прикосновение было жёстким. Он не держал меня — он фиксировал, заставляя смотреть ему в глаза.

— Не путай мой интерес с заботой, — произнёс он. — Мне нужно, чтобы ты оставалась живой. Только поэтому ты лежишь здесь, а не гниёшь в подвале.

— Как трогательно.

— Я не пытаюсь быть трогательным.

— Это заметно.

Его пальцы сильнее сжали мой подбородок.

Я почувствовала знакомую угрозу в его молчании. Макар мог причинить боль без предупреждения. Более того, ему нравилось, когда человек понимал: боль — это не случайность, а его решение.

— Ты всё ещё не поняла, где находишься, — сказал он, наклоняясь ближе. — Здесь никто не спасёт тебя. Ни Фиона, ни Беллами.

Я резко отвернула лицо, но он не позволил.

— Смотри на меня, Стефани.

— Убери руки.

— Ты всё ещё отдаёшь приказы?

— А ты всё ещё делаешь вид, будто способен их исполнять?

Макар усмехнулся.

— Вот за это я тебя и не люблю, — сказал он. — Ты смотришь на опасность и думаешь, что можешь оскорбить её до тех пор, пока она не исчезнет.

Он отпустил меня, но не отодвинулся.

Затем взял поднос и положил его мне на колени.

— Ешь.

Запах супа ударил по голодному желудку. Я почувствовала, как внутри всё сжалось, но заставила себя не смотреть на еду.

— Я не буду есть то, что принесли по твоему приказу.

— Будешь.

— Нет.

— Стефани, — произнёс он низко, и в этом одном слове прозвучала угроза.

Я подняла голову.

— Я лучше выпью яд, чем приму от тебя хоть что-нибудь.

Несколько секунд Макар просто смотрел на меня.

Потом взял поднос и с силой швырнул его на пол.

Тарелка разбилась. Суп растёкся по ковру, хлеб отлетел к стене, кружка перевернулась, и горячая жидкость впиталась в ткань.

Я вздрогнула, но не отступила.

Макар поднялся.

— Не хочешь есть? — спросил он почти спокойно. — Тогда голодай. Посмотрим, сколько продержится твоя гордость, когда тело начнёт умолять тебя о крошке хлеба.

— Ты ненормальный.

— Ненормальные люди обычно не знают, что делают, — ответил он. — А я знаю каждое своё действие.

Он наклонился, поднял с пола осколок тарелки и покрутил его между пальцами.

— Я могу оставить тебя здесь на неделю. Без еды. Без воды. Без разрешения выйти из этой комнаты. И каждый день буду приходить, чтобы посмотреть, насколько быстро исчезает твоя ненависть.

— Она не исчезнет.

— Все чувства исчезают, если достаточно долго причинять человеку боль.

Его голос звучал ровно, почти задумчиво, будто он обсуждал погоду.

Макар бросил осколок на пол и направился к двери.

— Отдыхай, Стефани. Тебе понадобятся силы, если ты собираешься продолжать сопротивляться.

— Надеюсь, ты подавишься собственной жестокостью, — бросила я ему вслед.

Он остановился.

На мгновение мне показалось, что Макар вернётся и ударит меня.

Но он лишь повернул голову.

— Я не подавлюсь. Я привык жить с ней.

После этого он вышел и с силой захлопнул дверь.

Я вздрогнула от грохота.

Комната снова погрузилась в тишину.

Я посмотрела на разбросанную еду и почувствовала, как внутри поднимается бессилие. Мне хотелось кричать, бить кулаками по стене, бросаться на дверь, но тело не слушалось. Слабость растекалась по мышцам, а запястья жгло так, словно металл впился в кости.

Макар был не просто жестоким.

Он получал удовольствие от страха.

Ему нравилось видеть, как человек сопротивляется, а затем ломается. Он не срывался — он наблюдал. Изучал. Запоминал. Вёл себя так, будто чужая боль была для него экспериментом.

И всё же я не могла позволить ему победить.

Если мне хотелось выжить, я должна была научиться притворяться.

Я должна была заставить его поверить, что он контролирует меня. Дать ему ощущение власти, которого он так жаждал. А потом дожидаться момента, когда он ошибётся.

Мне нужно было расположить Макара к себе.

Мысль казалась безумной. Почти невозможной.

Но у меня не осталось других вариантов.

Я не могла победить его силой. Не могла выбить дверь. Не могла рассчитывать на помощь охраны. Значит, мне придётся использовать единственное оружие, которое у меня ещё оставалось, — собственный разум.

— Только бы не сломаться раньше времени, — прошептала я.

Дверь снова открылась.

В комнату вошла Мелоди. Она остановилась на пороге и ахнула, увидев разбитую посуду.

— Что здесь произошло? — спросила она, переводя взгляд с пола на меня.

— Макар решил продемонстрировать, что умеет обращаться с подносом, — ответила я, пытаюсь придать голосу безразличие. — Получилось убедительно.

Мелоди быстро прикрыла дверь и начала собирать осколки.

— Он снова приходил?

— Да. И снова напомнил мне, что я должна быть благодарна за каждый вдох.

Мелоди вздохнула, осторожно поднимая тарелку.

— Не провоцируй его.

— А что мне делать? Улыбаться и благодарить за цепи?

— Нет, — тихо сказала она. — Но иногда выживание требует молчания.

Она положила осколки на поднос и выпрямилась.

Я посмотрела на неё.

— Мне нужен душ.

Мелоди замерла.

— Сейчас?

— Да. Я не могу больше лежать так. Я чувствую себя грязной. От меня пахнет подвалом, кровью и чем-то еще.

Мелоди посмотрела на мои волосы, одежду и запястья. В её глазах появилась жалость.

— Я понимаю.

— Тогда помоги мне.
— Я попробую поговорить с боссом.
— Ты думаешь, он разрешит?
Мелоди опустила глаза.
— После сегодняшнего разговора — вряд ли.
— Значит, я должна оставаться здесь, пока не превращусь в часть этой кровати?
— Я не сказала, что ничего не сделаю, — возразила Мелоди, собирая остатки хлеба. — Подожди немного. Я попробую уговорить его.
— Он не умеет слушать.
— Знаю. Но иногда он разрешает то, что считает незначительным.
— Для него я сама незначительна.
Мелоди посмотрела на меня с грустной улыбкой.
— Нет. Если бы ты была незначительна, он не тратил бы столько времени на то, чтобы сломать тебя.
От этих слов мне стало ещё тревожнее.
Мелоди ушла, а я осталась ждать.

Время растягивалось мучительно медленно. Свет за шторами постепенно менялся, полосы на полу становились длиннее, затем исчезли. Я пыталась заснуть, но каждый звук заставлял меня открывать глаза.

Шаги в коридоре.

Скрип двери.

Глухой разговор.

Тишина.

Я не знала, сколько прошло времени. Может быть, час. Может быть, несколько.

Мой желудок снова болезненно сжался.

Я прижала ладонь к животу и закрыла глаза. В памяти всплыл отец. Его голос, его руки, его привычка поправлять мне волосы, когда я была ребёнком. Потом лицо Макара — холодное, неподвижное, лишённое сожаления.

Ненависть была единственным, что не давало мне окончательно провалиться в отчаяние.

Когда я услышала шаги, то сразу напряглась.

Но в дверях появилась Кэти.

Она шла неловко, цепляясь маленькими пальцами за стену. На ней было светлое платье, а волосы растрепались после сна. Увидев меня, девочка улыбнулась.

Я смотрела на неё и не понимала, как ребёнок может улыбаться человеку, похожему на меня сейчас.

Грязная одежда. Бледное лицо. Синяки. Красные следы на запястьях.

Я, наверное, действительно была похожа на чудовище.

Кэти подошла к кровати и подняла руку.

В её ладони что-то блеснуло.

Ключ.

Я резко выпрямилась.

— Кэти... — прошептала я, боясь напугать её. — Откуда он у тебя?

Девочка не ответила. Она просто вложила ключ мне в ладонь и довольно улыбнулась.

У меня перехватило дыхание.

В дверном проёме стояла Беллами.

Она приложила палец к губам, призывая меня молчать.

Затем посмотрела в коридор и убедилась, что рядом никого нет.

Я сжала ключ.

— Это ты? — беззвучно спросила я.

Беллами едва заметно кивнула.

На её лице читался страх, но рядом с ним была решимость.

Она не просто сочувствовала мне.

Она рисковала ради меня.

Кэти потянула Беллами за платье, и девушка тут же наклонилась к ней.

— Пойдём, милая, — прошептала она. — Оставим тётю немного отдохнуть.

Я посмотрела на Беллами.

— Спасибо, — сказала я одними губами.

Беллами ответила таким же тихим движением губ:

— Беги, когда сможешь.

Она вывела Кэти из комнаты, оставив дверь приоткрытой.

Я подождала несколько секунд.

Затем вставила ключ в замок.

Руки дрожали так сильно, что с первого раза я не попала в скважину. Металл звякнул, и я замерла, вслушиваясь в коридор.

Никто не пришёл.

Я попробовала ещё раз.

Щелчок показался мне громче выстрела.

Первая цепь упала на пол.

Боль пронзила запястье, когда я освободила руку. Я прикусила губу, чтобы не застонать, и принялась открывать второй замок.

Через несколько мгновений я была свободна.

Почти свободна.

Капельница всё ещё оставалась в руке, но я осторожно вытянула иглу и прижала к коже край простыни. Перед глазами поплыло, однако я заставила себя встать.

Ноги дрожали.

Я опёрлась на кровать и подождала, пока комната перестанет вращаться.

Потом медленно подошла к двери.

Коридор был пуст.

Я вышла и прижалась к стене.

Дом оказался гораздо больше, чем мне казалось. Широкий коридор уходил в обе стороны, стены украшали картины и бра, а между высокими колоннами стояли тяжёлые вазы с сухими ветками. Где-то внизу слышались голоса, но они доносились приглушённо.

Я двигалась бесшумно, стараясь не смотреть на свои босые ноги.

Каждый шаг отдавался болью.

Я спряталась за колонной, когда в дальнем конце коридора показался охранник. Он прошёл мимо, не заметив меня. Я дождалась, пока его шаги стихнут, и направилась к лестнице.

Лестница вела на первый этаж. Перила были украшены резьбой, а из огромных окон падал серый свет. Внизу виднелся просторный холл с двойными дверями.

У выхода стояли двое охранников.

Я сразу отказалась от этой идеи.

Даже если бы мне удалось добежать до дверей, меня бы схватили раньше, чем я успела бы коснуться ручки.

Мне нужны были другой путь и место, где можно было спрятаться.

Я свернула в боковой коридор и увидела открытую дверь.

За ней находился кабинет.

Я вошла внутрь и осторожно закрыла дверь, оставив небольшую щель. Помещение было просторным: большой письменный стол, книжные шкафы, кожаное кресло, несколько шкафчиков с документами. На стене висела карта города, испещрённая отметками.

Но меня заинтересовало окно.

Оно выходило не на главный двор, а в заднюю часть дома. Внизу виднелась узкая дорожка, окружённая кустами. Дальше начинался густой сад, за которым темнел высокий забор.

Это был не идеальный путь.

Но это был путь.

Я подошла к окну и положила ладонь на защёлку.

Пальцы дрожали.

— Только бы оно открылось...

За спиной раздался едва слышный звук.

Я не успела обернуться.

Чья-то рука обхватила меня за талию и резко прижала к большому, твёрдому телу. Воздух мгновенно застрял в лёгких. Спина упёрлась в широкую грудь, а чужая ладонь сжалась на моём животе, не позволяя двинуться.

От него пахло холодом, кожей и чем-то горьким.

Я попыталась вырваться, но меня удержали ещё сильнее.

Тёплое дыхание коснулось моего уха.

И низкий, грубый голос прошептал:

— Тебе помочь, *искорка*?

Глава 7

Сердце забилося быстрее, будто пыталось вырваться из груди. Ладонь Макара по-прежн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.